

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (34)

2018

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Литинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Тимофеева Елена Александровна, доктор педагогических наук, доцент
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Битюкова Юлия Владимировна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 28.09.2018.

Выход в свет 30.11.2018.

Формат 60×84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 6,9.

Тираж 50 экз. Заказ 3-590-18.

Цена свободная.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместители ответственного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Редколлегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор
(Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
(Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский национально исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
(Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства
(Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАРОЖДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Н.И. Бородина.....	5
ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТА НАХОЖДЕНИЯ ЛИЦА, УПРАВЛЯЮЩЕГО ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ, В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ (ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ 12.8 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ) А.В. Моисеев.....	10
ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПЕРЕВОЗЧИКА ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРАНСПОРТНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ Е.Н. Немова.....	15
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОФАЙЛИНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В ИНТЕРЕСАХ СЛЕДСТВИЯ Н.В. Олиндер, Е.А. Гамбарова.....	20
ДРОБЛЕНИЕ БИЗНЕСА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПОЛУЧЕНИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКАМИ НЕОБОСНОВАННОЙ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ В.А. Остроухова.....	25
КОММЕРЧЕСКИЕ СПОРЫ И ПОРЯДОК ИХ РАССМОТРЕНИЯ Ю.А. Полякова.....	30
СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1917–1918 ГОДАХ И.А. Прохоренко.....	36
ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.П. Ринкевичуте.....	41
МЕТОДОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ С.Н. Шестов.....	46
К ПРОБЛЕМЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ С.В. Юношев, С.В. Кондратюк.....	52
НАШИ АВТОРЫ.....	58

CONTENT

CONSTITUTIONALISM GENESIS IN THE RUSSIAN EMPIRE N.I. Borodina.....	5
THE ISSUES OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF ESTABLISHING THE FACT THAT A PERSON DRIVES A VEHICLE IN A STATE OF INTOXICATION (NOTE TO ARTICLE 12.8 OF THE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES) A.V. Moiseev.....	10
THE GROUNDS FOR THE RELEASE OF A CARRIER FROM LIABILITY IN TRANSPORT LEGISLATION E.N. Nemova.....	15
CERTAIN ISSUES OF USING A PROFILING IN SOCIAL NETWORKS FOR LEGAL REASONS N.V. Olinder, E.A. Gambarova.....	20
SPLIT OF BUSINESS AS ONE OF THE WAYS OF OBTAINING UNJUSTIFIED TAX BENEFIT BY TAXPAYERS V.A. Ostroukhova.....	25
COMMERCIAL DISPUTES AND THE PROCEDURE FOR THEIR CONSIDERATION Yu.A. Polyakova.....	30
THE FORMATION OF LEGAL FRAMEWORK OF THE ANTIRELIGIOUS POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT IN 1917–1918 I.A. Prokhorenko.....	36
THE PROBLEMS OF RECOGNITION OF FOREIGN EDUCATIONAL DOCUMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION V.P. Rinkevichute.....	41
THE METHODOLOGY OF PUBLIC DOCUMENTATION S.N. Shestov.....	46
CONCERNING THE ISSUE OF PROCEDURAL IMPLEMENTATION OF THE EVIDENTIARY INFORMATION ACQUIRED FROM THE INTERNET SOURCES S.V. Yunoshev, S.V. Kondratyuk.....	52
OUR AUTHORS.....	58

ЗАРОЖДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2018

Н.И. Бородина, преподаватель кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: конституционализм; конституционное государство Российская империя; дворянство; представители общества; дворянский конституционализм; правительственный конституционализм.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению появления в проектах и нормативно-правовых актах Российской империи 17 – начала 18 века элементов конституционализма. Анализируются основные подходы к пониманию термина «конституционализм», трансформация терминологии с течением времени, рассматриваются периоды эволюции конституционализма. Изучаются основные источники начального конституционализма, как официально изданные, так и сохранившие статус проектов. Рассматриваются «Кондиции» 1730 г., «Наказ Уложенной комиссии» Екатерины II 1767 г., План государственного преобразования графа М. М. Сперанского, «Русская правда» П.И. Пестеля и ряд иных проектов, носивших конституционный характер.

Проводится сравнительно-юридический и сравнительно-исторический анализ развития конституционных идей в избранный период времени. В статье предлагается изучить развитие реформаторских идей дворянства и монархов, провести различие между дворянским и правительственным конституционализмом. Приводятся доводы в подтверждение точки зрения о появлении конституционных идей в 17 веке, а также рассматриваются причины отвержения этих идей. Подчеркивается готовность монархов идти на видимый компромисс без внесения реальных изменений в правовую систему. Отмечается совершенствование нормативно-правовых актов на протяжении 17 – начала 18 века, прогрессивность идей, увеличение количества прав человека, предлагаемых к закреплению, а также совершенствование механизма государства, которые получили развитие и реализацию в более поздний исторический период. Особо интересным представляется развитие реформаторских идей монархов при торжестве абсолютизма. Несмотря на зарубежный характер основных концепций, рецепции идей Монтескье и иных авторов, российский конституционализм уже на начальном этапе имел свои национальные особенности, связанные с традицией самодержавной власти, а также отличительными чертами государственности в Российской империи.

ВВЕДЕНИЕ

Зарождение конституционализма в России в дореволюционный период – процесс мало изученный, подвергаемый, по большей части, лишь историческому анализу, заявляемый учеными как спорный. В научных кругах активно ведутся споры относительно момента появления проявлений конституционализма, возникновения оформленных идей ограничения монаршей власти, принятия основных законов и начального закрепления прав, обязанностей и их гарантий для населения.

Некоторые ученые [1; 2] указывают на то, что конституционализм дореволюционный имеет мало общего с конституционализмом в современном обществе, буквально настаивая на недопустимости синонимичности этих понятий. На наш взгляд данная позиция является чрезмерно радикальной. Зарождающиеся процессы часто имеют мало общего с конечным результатом, что связано с их естественной эволюцией. Этим можно объяснить отчего дворянский конституционализм, носящий строго сословный характер, близок не столько современному пониманию данного термина, сколько классической дуалистической монархии. Однако именно на основе идей ограничения монархии, изменения строя с абсолютной на дуалистическую, а затем конституционную монархию, формировалась та концепция государства, в котором реализуется верховенство закона и закрепляется приоритет прав и свобод человека, что сейчас признается концепцией конституционного государства.

Также и среди приверженцев взглядов о присутствии идей конституционализма в Российской Империи ведутся споры о том, какие акты могут служить источниками конституционных нововведений [3]. Во многом

с господством таких идей связан умеренный интерес к проблемам формирования начал конституционализма в Российской империи. Данная тема мало изучена, лишь ряд историков и юристов проводили исследование сходной тематики в той или иной мере. В первую очередь это О.Е. Кутафин с фундаментальным исследованием «Российский конституционализм» [4], а также Н.А. Богданова, Н.С. Бондарь, С.В. Польской и другие [5–7].

Крайне актуальным является изучение основополагающих идей российского дворянства по ограничению власти самодержца как первого этапа становления конституционализма в России.

Цель работы – анализ актов, созданных в Российской империи и содержащих идеи начального конституционализма.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В российской правовой доктрине нет единого подхода к пониманию термина «конституционализм». Это связано как с его иностранным происхождением, так и с всеобъемлющим характером – данный термин включает в себя совокупность элементов без четко закрепленной системы, что позволяет ученым самостоятельно делать заключения о важности того или иного элемента и целесообразности его включения в такое правовое явление.

Изначально элементы конституционализма можно найти в работах Шарля Луи де Монтескье, в частности в работе «О духе законов» 1748 года, где им была разработана концепция «идеальной монархии», которая, по его замыслу должна быть ограничена посредством фундаментальных законов. Он указывал на правление

«монархическое, при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов...» [8, с. 220].

Идеи, породившие конституционализм, можно найти также и в работах теоретиков концепции «просвещенного абсолютизма» Вольтера, Франсуа Кенэ и иных ученых, находивших необходимым функционирование монархии на основе не столько желаний правителя, сколько на законах, закрепляющих государственное устройство, действие государственных органов и права подданных. Однако это не означает, что идеи верховенства закона появились только в 18 веке. И в России, и в иностранных государствах предпринимались попытки внесения, часто насильственных, изменений в политические основы монархии, однако они не носили столь массового характера.

Сам термин «конституционализм», появившись в Соединенных Штатах Америки во второй половине 18 века, объединил в себе многочисленные идеи, которые получили развитие в Европе и России более раннего периода. В классическом понимании конституционализм является правовой концепцией, основанной на верховенстве закона и ограничения власти лица либо лиц, стоящих у власти. Так, основной элемент концепции конституционализма состоит в том, что политическое общество, правительственные чиновники не имеют права творить то, что им заблагорассудится, как им вздумается, они обязаны блюсти ограничения и реализовывать процедуры, изложенные в высшем, конституционном законе сообщества [9].

Другое дело – современное понимание конституционализма. Существует несколько подходов к его пониманию, конституционализм можно рассматривать как систему основных идей и взглядов об отвечающем принципам демократического развития устройстве государства, организации в нем власти и взаимоотношениях последней с гражданами [6]. Данный термин в большей мере отражает форму, нежели содержание. Можно, как предлагает И.М. Степанов сводить его значение к «виду государственное правления, ограниченного конституцией» [10, с. 30]. Однако стоит согласиться с позицией, которую предлагает Н.С. Бонадарь, указывая, что конституционализм в любой форме его проявления – как политико-правовая (конституционная) идеология, юридическое мировоззрение, политическая и правовая практика и т. д. – воплощает в себе показатели достигнутого в обществе компромисса между властью и свободой, интересами общества и личности, государства и гражданина [6].

Конституционализм как понятие обобщил совокупность идей, которые появились в начале 18 века, но не имели единого названия, однако и после своего появления он не получил широкого распространения в России, будучи замененным рядом синонимических терминов: «просвещенное государство», «конституционное государство» и иные. И лишь в современный период стал всеобъемлющим и повсеместно используемым.

Исходя из этого, можно заключить, что в самой общей форме конституционализм является правовым феноменом, представляющим собой систему взаимосвязанных элементов, целью которой является формирование правового государства на базе верховенства основного закона с Президентом/Монархом как его гарантом [11],

режима законности, народовластия и приоритетности прав и законных интересов человека.

Вышеуказанное дает возможность говорить о нескольких видах конституционализма:

1. Историческом монархическом конституционализме (дворянском и правительственном).
2. Историческом республиканском конституционализме.
3. Современном конституционализме (несколько различным в зависимости от формы правления).

Историческими антагонистами царской власти являлись церковь и аристократия, первая в силу религиозных установок пыталась уйти из-под власти монарха, вторые – ослабить его власть, реализовать свою волю и добиться привилегий. Неудивительно, что первые документально зафиксированные попытки ограничения царской власти предприняло именно дворянское сословие.

Первым документом, существенно ограничивавшим в своих решения монарха, стал акт, разработанный Верховным тайным советом и получивший название «Кондиции» [12]. О конституционном характере данного акта можно судить исходя из следующего. Он содержал перечень решений, которые подписавшая его Анна Иоанновна не имела права принимать самостоятельно, без одобрения Верховного тайного совета. Таким образом, он устанавливал круг полномочий, которые разделялись в равной мере между монархом и Советом, соответственно обозначенные решения могли быть приняты только при взаимном согласии. Устанавливалось верховенство судебной власти, а также охрана права частной собственности на имущество дворянства – оно может быть изъято лишь по решению суда. Затрагивались также и вопросы бюджета и налогообложения: императрице вверилось не расходовать произвольно государственные средства, а также самостоятельно устанавливать новые подати [12]. Кондиции содержали и меру ответственности, а именно отрешение императрицы от престола в случае нарушения положений документа.

Конституционность данного акта учеными оспаривается, однако стоит отметить, что он был лишь первым этапом в попытке законодательно ограничить самодержавную царскую власть [4]. М.М. Щербатов отмечал: «уже собиравшиеся вельможи предопределили учинить основательные законы государству и власть государеву сенатом или парламентом ограничить» [13, с. 12].

В дальнейшем были предприняты попытки создания комплексного акта, для чего привлекались представители дворянства, однако они не дали результата. Предвидя преумножение власти Совета, недовольные представители из дворянства предпочли самодержавную власть возможности построения конституционной (ограниченной законом) монархии под эгидой Верховного тайного совета. В результате инициатива Совета была отвергнута, а императрицей Анной Иоанновной при поддержке дворянства и гвардии отказалась от исполнения положений, предусмотренных Кондициями. Таким образом, устои самодержавной власти не были изменены.

Следующие попытки ограничения абсолютной власти монарха были предприняты на фоне идей о становлении «идеальной монархии» Монтескье и философии просвещенного абсолютизма. Базовой идеей монархии у Монтескье было ограничение монарха фундаментальными законами, что соотносится с идеями

конституционализма, однако они все еще носили сословный характер. На фоне этого развивается новое течение. Если раньше прогрессивные идеи ухода от самодержавия исходили только от дворянства, то теперь сходные идеи исходят и непосредственно от императрицы и её окружения. Идея «фундаментальных законов» становится подлинным ключевым понятием эпохи и вокруг его понимания строится борьба правительственного и дворянского конституционализма, и собственно оно позволяет разграничить эти два течения [11].

Первые проекты установления в России «истинной монархии» с фундаментальными законами были созданы И.И. Шуваловым в 1756 г., вслед за ним Р.И. Воронцов пытался навязать «дворянские вольности» как «непременные законы» российскому самодержавию в 1762 г., и наконец, Н.И. Панин с проектом Императорского совета и реформы Сената в 1762–1763 гг. предпринял попытку создать «хранилище законов» à la Монтескье на русской почве [14].

В ответ на эти акты дворянского конституционализма, Екатериной II был сформирован акт, получивший название «Наказ Уложенной комиссии» [15] и положивший начало правительственному конституционализму. По своему содержанию это юридико-философское издание являлось переработкой идей того же Монтескье, а также Чезаре Беккариа, Дени Дидро и иных ученых.

Основополагающими прогрессивными положениями данного документа, из коих следовало исходить при составлении нового комплексного законодательного акта, являлись следующие: законодательная защита всех слоев населения, закрепление иерархии власти, возможность правительства подавать возражения на законы, равенство всех сословий перед законом, четкая регламентация действий судебных органов на правовых началах, заложение основ законодательной техники.

Следующий проект, достойный рассмотрения при анализе конституционализма в Российской Империи, это «Наказ Сенату» 1787 г., важнейшей нормой которого являлась норма, закреплявшая возможность изменения престолонаследия в форме отрешения наследника в означенных случаях. Кроме данного акта Екатериной II был разработан ряд проектов, развивавших идеи «Наказа» 1767 года, однако они не были реализованы в полной мере [16].

Новый виток развития конституционных идей пришелся на период правления Александра I. Многочисленные работы М.М. Сперанского содержали идеи, основанные на прежнем государственном опыте, и развивали ранее заявленные положения. «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» [17] М.М. Сперанский подробно регламентирует деятельность основных властных органов Российской империи, рассуждает о государственном устройстве и надобности конституции. Во «Введении к Уложению государственных законов» подробно рассматриваются виды законов и их действие, в том числе коренных законов – основных, фундаментальных – а также правила их принятия, необходимость одобрения Государственной Думой и невозможности единоличного волеизъявления монарха в некоторых вопросах. Однако почти все проекты реализованы не были.

Проект Н.Н. Новосильцева «Государственная уставная грамота Российской империи» предусматривал создание Государственного сейма при участии императора, разветвленной сети судебных органов, провозглашая при этом независимость судей и верховенство законов, предлагал деление страны на наместничества с введением местных органов управления. Также было закреплено разделение властей на исполнительную – Государственный совет, законодательную – Государь при содействии с Государственным Сеймом, и судебную с Верховным Государственным судом во главе. Грамота предполагала закрепления пула прав и свобод для населения: это ряд прав человека, а также свобода печати [18].

К куда более радикальным переменам склоняли проекты представителей тайных обществ, организовавших восстание в декабре 1825 года. Наиболее видной работой декабристов явился труд руководителя Южного общества декабристов П.И. Пестеля, получивший название «Русская правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления» [19].

В указанном труде заключались идеи коренной трансформации российского государства посредством революции и изменения формы правления. Основой нового государства становилось установление республики и полноценное народовластие. Целью государства признавалось служение народу и функционирование на благо населения, в связи с этим ограничивались властные полномочия государственных органов, отменялось деление на сословие, крепостное право и даровались права и свободы всем и каждому.

Среди этих прав и свобод назывались следующие: «личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства»; право собственности с соответствующими правомочиями и запретом конфискации в пользу государства иначе как по решению суда; неприкосновенность жилища – «в дом гражданина никто войти не может без его согласия»; свобода слова и печати – «каждый гражданин имеет право писать и печатать все то, что он хочет, с тем только чтобы его имя было на его сочинении выставлено»; свобода вероисповедания [19, с. 7].

Относительно устройства государственной власти предлагалось введение чрезвычайного органа – Временного верховного правления для изменения строя на республиканский, после чего планомерное создание штатных органов. Власть должна была быть распределена в зависимости от функционала, при этом не требовалось равноправия, на законодательную под контролем Народного вече, верховно-исполнительную – Державной Думы и блюстительную – Верховного собора. Не вполне понятно разделение власти на местах, некоторые исследователи при анализе «Русской правды» склоняются к тому, что П.И. Пестелем подразумевалось унитарное строение государства, где власть исходила исключительно из центра, тогда как на местах в полной мере не регламентирована и самостоятельностью не обладает [20].

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

За период правления нескольких монархов было предложено множество реформаторских, поистине

конституционных идей, однако воплощены они либо не были вовсе, либо в настолько измененном виде, что практически теряли свою суть. Это связано прежде всего с необходимостью посягательства на самодержавную власть.

Если представители дворянского конституционализма предлагали существенные изменения и ограничения, вплоть до становления в России «конституционной монархии», то представители правительственного конституционализма пытались, видимо в угоду просвещенным государствам Европы, ввести лишь удобные для государя поправки в правовую систему, сохранив при этом абсолютную монархию, самодержавие. Это вносит существенный диссонанс: невозможно сохранить абсолютную монархию с императором как единственным полновластным лицом, при этом введя ограничивающие его правомочия законы.

Введение в Российской империи Основного закона, дарование прав всем слоям населения, регламентация действенных полномочий государственных органов откладывалось из-за страха монархов «выпустить» власть из своих рук и потерять прежний статус. Застой и половинчатость реформ породили новые более радикальные движения, требующие коренных перемен: свержения монархии и становления подлинно конституционного государства.

Реформаторские проекты 18 – начала 19 века показали, что в означенный период произошло зарождение первых идей конституционализма в Российской империи и появление политико-правового явления, стремление к реализации которого в последствии приведет к революции, смене формы правления и концу империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М.: Новосибирск, 2000. 368 с.
2. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Наука, 1983. 296 с.
3. Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: сборник документов / сост. А.В. Гоголевский. М.: Гардарики, 2000. 624 с.
4. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 840 с.
5. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М.: Юристъ, 2001. 264 с.
6. Бондарь Н.С. Права человека в теории и практике российского конституционализма // Российский конституционализм: проблемы и решения. М: ИГиП РАН, 1999. С. 110–115.
7. Польской С.В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX вв. и его западноевропейские источники // ГИИМ: Доклады по истории 18 века. Moskau: Vorträge zum, 2010. С. 1–24.
8. Монтескье Шарль Луи. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1955. 530 с.
9. Fellman D. Constitutionalism // Dictionary of the History of Ideas: Studies of Selected Pivotal Ideas. Vol. 1. New York: Charles Scribner's Sons, 1973. P. 485–492.
10. Степанов И.М. Грани Российского конституционализма (XX век) // Конституционный строй России. Вып. 1. М.: ИГиП РАН, 1992. С. 30–31.

11. Бородина Н.И. Актуальные проблемы регламентации конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 2. С. 5–9.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. В 45 т. Т. 8 / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1079 с.
13. Щербатов М.М., Радищев А. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1983. 504 с.
14. Польской С.В. Русский конституционализм XVIII – начала XIX в. // ГИИМ: Доклады по истории 18 века. Moskau: Vorträge zum, 2010. С. 32–46.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. В 45 т. Т. 18 / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 942 с.
16. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
17. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. М.: Русская мысль, 1905. 359 с.
18. Вернадский Г.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820. Историко-юридический очерк. Прага, 1925. 75 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. В 45 т. Т. 27. / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 740 с.
20. Киянская О.И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.

REFERENCES

1. Kravets I.A. *Konstitutsionalizm i rossiyskaya gosudarstvennost v nachale XX veka* [Constitutionalism and the Russian state machine: the beginning of the 20th century]. Moscow, Novosibirsk Publ., 2000. 368 p.
2. Nersesyants V.S., ed. *Istoriya burzhuaznogo konstitutsionalizma XVII–XVIII vv.* [The History of Bourgeois Constitutionalism in the XVII–XVIII century]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 296 p.
3. Gogolevskiy A.V., ed. *Konstitutsionalizm: istoricheskiy put Rossii k liberalnoy demokratii: sbornik dokumentov* [Constitutionalism: Historical Path of Russia Towards a Liberal Democracy: a Collection of Documents]. Moscow, Gardariki Publ., 2000. 624 p.
4. Kutafin O.E. *Rossiyskiy konstitutsionalizm* [Russian constitutionalism]. Moscow, Norma Publ., 2008. 840 p.
5. Bogdanova N.A. *Sistema nauki konstitutsionnogo prava* [System of science of constitutional law]. Moscow, Yurist' Publ., 2001. 264 p.
6. Bondar N.S. Human right in the theory and practice of Russian constitutionalism. *Rossiyskiy konstitutsionalizm: problemy i resheniya*. Moscow, IGI P RAN Publ., 1999, pp. 110–115.
7. Polskoy S.V. Noble constitutionalism in Russia of the XVIII – the early XIX century and its West-European

- sources. *GIIM: Doklady po istorii 18 veka*. Moskau, Vorträge zum Publ., 2010, pp. 1–24.
8. Monteske Sharl Lui. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955. 530 p.
 9. Fellman D. Constitutionalism. *Dictionary of the History of Ideas: Studies of Selected Pivotal Ideas*. New York, Charles Scribner's Sons Publ., 1973. Vol 1, pp. 485–492.
 10. Stepanov I.M. The faces of Russian constitutionalism (XX century). *Konstitutsionnyy stroy Rossii*. Moscow, IGiP RAN Publ., 1992. Vyp. 1, pp. 30–31.
 11. Borodina N.I. Topical issues of regulation of the constitutional legal status of the president of the Russian Federation. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2018, no. 2, pp. 5–9.
 12. Speranskiy M.M., ed. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg.* [Complete collection of laws of the Russian empire. 1. st. collection. 1649–1825]. Sankt Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1830. Vol. 8, 1079 p.
 13. Shcherbatov M.M., Radishchev A. *O povrezhdenii nrayov v Rossii knyazya M. Shcherbatova i Puteshestvie A. Radishcheva. Faksimilnoe izdanie* [About the failure of customs in Russia of knyaz M. Shcherbakov and The Travelling of A. Radishchev. Facsimile edition]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 504 p.
 14. Polskoy S.V. Russian constitutionalism of the XVIII – early XIX century. *GIIM: Doklady po istorii 18 veka*. Moskau, Vorträge zum Publ., 2010, pp. 32–46.
 15. Speranskiy M.M., ed. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg.* [Complete collection of laws of the Russian empire. 1. st. collection. 1649–1825]. Sankt Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1830. Vol. 18, 942 p.
 16. Madariaga I. *Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoy* [Russia in the age of Catherine the Great]. Moscow, Novoe Literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 976 p.
 17. Speranskiy M.M. *Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo* [Plan of State Graph Transformation of M.M. Speranskiy]. Moscow, Russkaya mysl' Publ., 1905. 359 p.
 18. Vernadskiy G.V. *Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiyskoy imperii 1820. Istoriko-yuridicheskiy ocherk* [State statutory charter of the Russian Empire of 1820: a historical and legal essay]. Praga, 1925. 75 p.
 19. Speranskiy M.M., ed. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg.* [Complete collection of laws of the Russian empire. 1. st. collection. 1649–1825]. Sankt Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1830. Vol. 27, 740 p.
 20. Kiyanskaya O.I. *Pavel Pestel: ofitser, razvedchik, zagovorshchik* [Pavel Pestel. Officer. Intelligence Officer. Plotter]. Moscow, Paralleli Publ., 2002. 512 p.

CONSTITUTIONALISM GENESIS IN THE RUSSIAN EMPIRE

© 2018

N.I. Borodina, lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: constitutionalism; the Russian Empire constitutional state; nobility; representatives of the society; noble constitutionalism; governmental constitutionalism.

Abstract: The paper covers the study of the introduction of constitutionalism elements in the projects and regulatory legal acts of the Russian Empire of the 17th – the early 18th century. The author analyzes the main approaches to the understanding of the term “constitutionalism”, the transformation of the terminology within the course of time, considers the periods of evolution of constitutionalism. The main sources of initial constitutionalism, both published officially and kept the project status, are studied. The author considers “The Conditions” of 1730, “The Instruction of Code Commission” of Ekaterina II of 1767, the Plan of State Reforming of the Count M.M. Speransky, “Russian Truth” of P.I. Pestel, and the range of other projects of the constitutional nature. The comparative-judicial and comparative-historical analysis of constitutional ideas’ development at the selected period of time is carried out. The paper offers to study the development of the reformist ideas of the nobility and monarchs, to distinguish between the noble and governmental constitutionalism. The author makes arguments to prove the point of view about the origination of the constitutional ideas in the 17th century, considers the reasons for the rejection of these ideas, and highlights the willingness of the monarchs to compromise without the introduction of any real changes to the legal system. The paper notes the improvement of laws and regulations during the 17th – the early 18th century, the progressiveness of ideas, the expansion in the number of the rights of a person offered to be fixed, and the improvement of state mechanism which were developed and implemented in the later historic period. The development of reformist ideas of the monarchs at the absolutism triumph is of special interest. In spite of the foreign nature of main concepts and the adoption of the ideas of Montesquieu and other authors, the Russian constitutionalism had at the initial stage its national peculiarities related to the autocratic power tradition and the specific features of statehood in the Russian Empire.

**ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТА НАХОЖДЕНИЯ ЛИЦА, УПРАВЛЯЮЩЕГО ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ,
В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ (ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ 12.8 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ)**

© 2018

А.В. Мусеев, старший преподаватель кафедры
«Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: состав административного правонарушения; объективная сторона состава административного правонарушения; факт нахождения лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения; концентрация алкоголя в выдыхаемом воздухе; максимально-допустимый уровень содержания алкоголя в крови.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению правового регулирования и практики установления факта нахождения лица, управляющего транспортным средством, в состоянии опьянения. За данное правонарушение в действующем КоАП РФ установлена административная ответственность, практика применения которой имеет множество споров, связанных с обжалованием решений о привлечении виновных к ответственности. Однако большинство споров возникает по вопросу установления состояния опьянения, которое является главным в характеристике рассматриваемых составов административных правонарушений и определяется в соответствие с примечанием к ст. 12.8 КоАП РФ. В статье обращено внимание на существующий до недавнего времени законодательный пробел, заключающийся в использовании законодателем в примечании к ст. 12.8 КоАП РФ одного показателя уровня алкоголя и отсутствие указания на максимально-допустимый уровень содержания алкоголя в крови. Свидетельством чего является многочисленная судебная практика по вопросу о том, при каком значении содержания алкоголя в крови следует считать установленным факт опьянения в случаях, когда исследование проводилось не путем вдыхания воздуха, а посредством отбора пробы крови. Существующий законодательный пробел способствовал уходу от административной ответственности лиц, которые фактически управляли транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, что как следствие снижало уровень безопасности на дорогах. В статье проанализирован Федеральный закон от 03 апреля 2018 г. № 62-ФЗ, в части дополнения Примечания к ст. 12.8 КоАП РФ положением, допускающим установление состояния алкогольного опьянения наличием абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на литр крови. Рассмотренные в статье вопросы, возникающие в практике установления факта нахождения лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, были решены названным Федеральным законом, который позволяет привлекать к административной ответственности лиц, которые фактически управляли транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения.

ВВЕДЕНИЕ

Ежегодно фиксируется большое количество дорожно-транспортных происшествий, в числе основных причин которых отмечается управление транспортным средством в состоянии опьянения [1].

За вождение водителем транспортного средства в состоянии опьянения в ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2] предусмотрена административная ответственность. Практика применения административной ответственности за данное правонарушение имеет множество споров, связанных с обжалованием решений о привлечении виновных к ответственности.

В доктрине вопросы установления факта нахождения лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, уделяется немало внимания.

В частности, В.В. Головкин и О.А. Иванова рассматривают вопросы противодействия управления транспортным средством водителем в состоянии наркотического опьянения [3]. М.М. Луков анализирует действующее законодательство в части освидетельствования на состояние опьянения [4]. Л.И. Мирузин и П.Е. Плахов выявляют проблемы, возникающие при привлечении к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения [5]. В.В. Эльзесер также рассматривает правовые аспекты управления транспортным средством

в состоянии алкогольного опьянения [6]. А.Ю. Якимов исследует состояние опьянения как обязательный признак составов административных правонарушений [7].

Однако конкретных исследований, направленных на обзор практики применения установления факта нахождения лица в состоянии опьянения, нам не пришлось найти.

Цель работы – исследование вопросов правового регулирования и практики применения установления факта состояния опьянения у лица, управляющего транспортным средством.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

По большей части в практике применения административной ответственности за вождение транспортного средства в состоянии опьянения споры возникают по таким вопросам, как установление объективной стороны состава правонарушения, а именно, установление факта нахождения виновного лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения. Споры возникают и по вопросу о признании лица субъектом рассматриваемого состава административного правонарушения.

К примеру, К. в своей жалобе просил отменить вступившие в законную силу постановление и решение судей, производство по делу прекратить в связи с тем, что он по смыслу ст. 12.8 КоАП РФ и п. 1.2 Правил

дорожного движения [8] не являлся водителем, следовательно, и субъектом рассматриваемого административного правонарушения, поскольку автомобиль был неисправен, буксировался иным транспортным средством, в связи с чем он не мог являться участником дорожного движения. Как отметил суд, при проведении освидетельствования на состояние опьянения и составлении протокола гражданин не отрицал, что управлял транспортным средством. В ходе судебного заседания в районном суде указал, что находился за рулем указанного автомобиля, который буксировался с помощью гибкого троса. С учетом положений ПДД РФ является обоснованным вывод о том, что гражданин является водителем автомобиля и подлежит административной ответственности. Иная оценка заявителем требований закона и его субъективное мнение о том, что он не являлся водителем, не освобождает его от выполнения обязанностей, предусмотренных п. 2.7 ПДД РФ, и не свидетельствует об отсутствии в его действиях состава правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 ПДД РФ (Постановление Ивановского областного суда от 21.08.2017 г. по делу № 4а-217/2017) [9].

Субъектом состава ч. 2 ст. 12.8. КоАП РФ является лицо, под непосредственным контролем которого находится транспортное средство при использовании его по назначению. Из материалов дела следует, что изначально гражданин, привлекаемый к ответственности, будучи водителем транспортного средства, передал управление автомобилем другому гражданину, следовательно, после того, как этот другой гражданин прекратил управление автомобилем, транспортное средство вновь оказалось под контролем виновного лица, не принявшего достаточных мер предосторожности при последующей передаче управления транспортным средством. При установленных обстоятельствах гражданин является надлежащим субъектом административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ. Кроме того, из смысла ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ не следует, что предусмотренная данной правовой нормой административная ответственность наступает в зависимости от формы вины, следовательно, приведенные ссылки гражданина в отношении неосведомленности его о нахождении другого гражданина, которому было передано управление транспортным средством, в состоянии опьянения свидетельствуют о совершении им правонарушения по неосторожности, что не освобождает его от установленной КоАП РФ ответственности (Постановление Пермского краевого суда от 09.08.2017 г. по делу № 44а-1054/2017) [10].

Что касается установления объективной стороны рассматриваемого состава правонарушения, то практикой юридически значимым обстоятельством при установлении объективной стороны признается факт управления транспортным средством в состоянии опьянения. При этом, не является нарушением административного регламента и не имеет правового значения для квалификации действий заявителя, останова автомобиля сотрудниками ГИБДД вне стационарного поста ГИБДД (Постановление Нижегородского областного суда от 18.12.2015 г. по делу № 4а-923/2015) [11]. Не исключает наличия в действиях лица объективной стороны состава рассматриваемого административного правонарушения и отсутствие фиксации специальными

техническими средствами административного правонарушения (Постановление Волгоградского областного суда от 17.04.2015 г. по делу № 7а-453/15) [12].

Состав ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ доказывается посредством установления факта нахождения лица, которому передается транспортное средство, в состоянии опьянения в момент такой передачи и управления. При этом не имеет значение такой признак объективной стороны состава правонарушения, как место правонарушения, так как управление данным транспортным средством может быть передано задолго до выявления факта правонарушения. В таких случаях место правонарушения совпадает с местом его выявления (см., например: Постановление Нижегородского областного суда от 04.12.2015 г. по делу № 4а-796/2015) [13].

Однако большинство споров возникает по вопросу установления состояния опьянения, которое является главным в характеристике рассматриваемых составов административных правонарушений и определяется в соответствие с примечанием к ст. 12.8 КоАП РФ. Согласно данному примечанию, сформулированному в соответствии с п. 7 приложения к Европейскому соглашению [14], состояние опьянения признается установленным при наличии абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, в размере 0,16 мг/л выдыхаемого воздуха.

Много споров возникает по вопросу установления наличия концентрации алкоголя в выдыхаемом воздухе с учетом погрешностей измерений приборов. Такая погрешность установлена в утвержденном Приказом МВД России от 23.08.2017 г. № 664 Административном регламенте, и составляет 0,16 мг/л выдыхаемого воздуха [15].

Судебной практикой 0,16 мг/л, предусмотренных в примечании к ст. 12.8 КоАП РФ не рассматриваются в качестве допустимой нормы алкоголя, поскольку, представляя собой возможную суммарную погрешность измерений приборов, являются точкой отсчета для определения степени опьянения (Постановление Амурского областного суда от 26.05.2015 г. по делу № 4А-310/2015) [16].

В другом судебном решении также возможная погрешность конкретного технического средства измерения при проведении освидетельствования дополнительно не учитывалась (Постановление Оренбургского областного суда от 26.12.2017 г. № 4а-742/2017) [17].

Жалоба Т., согласно которой с учетом погрешности показаний примененного при освидетельствовании технического средства Alcotest 6810 Dragger (0,05 мг/л) состояние алкогольного опьянения у Т. не установлено, была также отклонена судом, так как было выявлено в выдыхаемом воздухе содержание алкоголя в количестве 0,18 мг/л, что превышает установленную законом суммарную погрешность измерений (Постановление Саратовского областного суда от 23.01.2018 г. № 4А-35/2018) [18]. Конституционным Судом РФ по данному вопросу было отмечено, что наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе в количестве 0,16 мг/л выдыхаемого воздуха уже свидетельствует об употреблении алкогольных веществ, поэтому нельзя признать необоснованным и несправедливым привлечение к административной ответственности даже за незначительное превышение (Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 г. № 2526-О) [19].

Определенным пробелом признавалось использование законодателем в примечании к ст. 12.8 КоАП РФ одного показателя уровня алкоголя и отсутствие указания на максимально-допустимый уровень содержания алкоголя в крови [20, с. 660]. Свидетельством чего является многочисленная судебная практика по вопросу о том, при каком значении содержания алкоголя в крови следует считать установленным факт опьянения в случаях, когда исследование проводилось не путем выдыхания воздуха, а посредством отбора пробы крови, направленной на химико-токсикологическое исследование. В таких случаях судебные инстанции руководствовались п. 22 Инструкции № 3 [21], который при наличии определенных обстоятельств (лицо, пострадавшее в ДТП, находится в беспомощном, тяжелом состоянии) допускал возможность выносить заключение о состоянии опьянения по результатам химико-токсикологического исследования биологического объекта. В таких случаях состояние опьянения считалось установленным, при наличии в концентрации 0,5 и более грамм на литр крови абсолютного этилового спирта.

Однако, концентрация уровня содержания алкоголя в крови должна была выражаться в предусмотренных п. 22 Инструкции единицах измерения. Иными словами, пересчитывать указанные в исследовании граммы на литр крови на единицы измерения, указанные в примечании к ст. 12.8 КоАП РФ не требовалось, так как такая возможность не была предусмотрена законодательством, а также отсутствовали соответствующие методики пересчета.

На практике же пересчет граммов на литр крови в миллиграммы на литр выдыхаемого воздуха признавался допустимым.

Например, в пробе крови Б. был обнаружен этанол в концентрации 2,66 промилле. Амурский областной суд признал необоснованным вывод районного суда о необходимости установления какому значению в миллиграммах соответствует указанные в промилле результаты исследования. Свои выводы областной суд обосновал тем, что факт нахождения Б. в состоянии опьянения не исключается несмотря на то, что результат исследования указан в промилле, а не в миллиграммах на литр крови, так как соответствует п. 22 упомянутой Инструкции (Постановление Амурского областного суда от 26.05.2015 г. по делу № 4А-310/2015) [16].

После принятия Приказа Минздрава России от 18.12.2015 г. № 933н, утвердившего новый Порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения [22], рассматриваемая Инструкция утратила силу. При этом, новый Порядок не предусматривает забор биологических сред на содержание алкоголя.

На практике встречаются случаи, когда исследование выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя не могут проводиться по каким-либо техническим или иным причинам и производится забор биологического объекта. Между тем забор биологических сред на содержание алкоголя положениями Порядка не предусмотрен, в связи с чем, суды не признают заключение врача об установленном состоянии опьянения объективным и как следствие, акт медицинского освидетельствования не является допустимым доказательством (Постановление Верховного Суда РФ от 08.02.2018 г. № 18-АД18-1) [23].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Таким образом, действующая до 1 июля 2018 года редакция примечания к ст. 12.8 КоАП РФ не соответствовала абз. 6 п. 7 приложения к Европейскому соглашению, в части необходимости включения в национальное законодательство положения о допустимом законом уровне содержания алкоголя в крови.

Результатом являлась невозможность привлечения к административной ответственности при установлении факта нахождения лица в состоянии алкогольного опьянения, определенного наличием абсолютного этилового спирта в крови. Такие ситуации возникают, когда по объективным причинам (нахождение лица, пострадавшего в ДТП в тяжелом, беспомощном состоянии) не может быть произведено медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения посредством определения наличия алкоголя в выдыхаемом воздухе.

Существующий законодательный пробел способствовал уходу от административной ответственности лиц, которые фактически управляли транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, что как следствие снижало уровень безопасности на дорогах [24].

В Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» указано на то, что в настоящее время в арсенале лабораторий наркологических больниц (диспансеров) имеется все необходимое для определения концентрации алкоголя в крови [25].

Изложенное послужило причиной принятия Федерального закона от 03 апреля 2018 г. № 62-ФЗ, который дополнил Примечание к ст. 12.8 КоАП РФ положением, в соответствии с которым состояние алкогольного опьянения считается установленным при наличии абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на литр крови.

Проведенный обзор существующей судебной практики по вопросам установления факта нахождения лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, обнаруживал законодательный пробел, способствующий уходу от ответственности лиц, которые фактически управляли транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения. Изменения, вступившие в силу с 3 июля 2018 г., должны решить возникающие на практике споры и способствовать реализации принципа неотвратимости наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Причины ДТП в России // АвтоПравозащита.Ру. URL: avtopravozashita.ru/dtp/prichiny-dtp.html/.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 23.04.2018 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
3. Головки В.В., Иванова О.А. Управление транспортным средством водителем в состоянии наркотического опьянения: теория и практика противодействия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4. С. 33–34.
4. Луков М.Г. Освидетельствование на состояние опьянения в системе мер административного принуждения // Право и практика. 2014. № 2. С. 68–75.

5. Мурзина Л.И., Плахов П.Е. Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения водителей транспортных средств, как доказательство в административном процессе // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 3. С. 76–81.
6. Эльзесер В.В. Правовые аспекты управления транспортным средством водителем, находящимся в состоянии алкогольного опьянения // Транспорт и сервис. 2014. № 2. С. 135–141.
7. Якимов А.Ю. Состояние опьянения как обязательный признак составов административных правонарушений (сравнительно-правовой анализ) // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 44–50.
8. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 (ред. от 13.02.2018) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»).
9. РФ. Постановление Ивановского областного суда от 21.08.2017 г. по делу № 4а-217/2017.
10. РФ. Постановление Пермского краевого суда от 09.08.2017 г. по делу № 44а-1054/2017.
11. РФ. Постановление Нижегородского областного суда от 18.12.2015 г. по делу № 4а-923/2015.
12. РФ. Постановление Волгоградского областного суда от 17.04.2015 г. по делу № 7а-453/15.
13. РФ. Постановление Нижегородского областного суда от 04.12.2015 г. по делу № 4а-796/2015.
14. Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожном движении, открытую для подписания в Вене 8 ноября 1968 года, от 1 мая 1971 г. // Бюллетень международных договоров. 2008. № 1. С. 3–23.
15. Приказ МВД России от 23.08.2017 г. № 664 (ред. от 21.12.2017) «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» // Российская газета. 2017. 13 окт. (№ 232).
16. РФ. Постановление Амурского областного суда от 26.05.2015 г. по делу № 4А-310/2015.
17. РФ. Постановление Оренбургского областного суда от 26.12.2017 г. № 4а-742/2017.
18. РФ. Постановление Саратовского областного суда от 23.01.2018 г. № 4А-35/2018.
19. Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 г. № 2526-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Халабуды Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав положением примечания к статье 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
20. Панкова О.В. Административные правонарушения в области дорожного движения: комментарий к главе 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный). М.: Статут, 2016. 606 с.
21. Приказ Минздрава России от 14.07.2003 г. № 308 (ред. от 05.03.2014) «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения» // Российская газета. 2003. 24 июля (№ 147).
22. Приказ Минздрава России от 18.12.2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» // Российская газета. 2016. 23 марта (№ 60).
23. Постановление Верховного Суда РФ от 08.02.2018 г. № 18-АД18-1.
24. РФ. Заключение Комитета по охране здоровья от 09.11.2017 г. «По проекту федерального закона № 262269-7 "О внесении изменений в статью 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях"».
25. РФ. Пояснительная записка «По проекту федерального закона "О внесении изменений в статью 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях"».

REFERENCES

1. Causes of road accidents in Russia. *AvtoPravozashchita.Ru*. URL: avtopravozashchita.ru/dtp/prichiny-dtp.html/.
2. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated the 30th of December 2001 No. 195-FZ: ed. dated the 23rd of April 2018. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2002, no. 1, st. 1.
3. Golovko V.V., Ivanova O.A. Operating a vehicle by a drug-intoxicated driver: theory and practice of counteraction. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 2015, no. 4, pp. 33–34.
4. Lukov M.G. Examination for intoxication in the system of measures of coercion administrative. *Pravo i praktika*, 2014, no. 2, pp. 68–75.
5. Murzina L.I., Plakhov P.E. Examination on alcohol intoxication of drivers of motor vehicles as proof administrativnom in the process. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2016, vol. 4, no. 3, pp. 76–81.
6. Elzesser V.V. Legal aspects of liability for the driving in the alcohol intoxication. *Transport i servis*, 2014, no. 2, pp. 135–141.
7. Yakimov A.Yu. The state drunkenness as an obligatory feature of elements of administrative offences (comparative-law analysis). *Administrativnoe pravo i protsess*, 2014, no. 10, pp. 44–50.
8. The RF Government Regulation dated the 23rd of October 1993 No. 1090 (ed. dated the 13th of February 2018) “Concerning the Road Traffic Regulations” (completed with “The general provisions for the release to service of vehicles and the responsibilities of public officials for the traffic safety provision”). (In Russian)
9. RF. Resolution of the Ivanovo Regional Court of August 21, 2017 in case No. 4а-217/2017. (In Russian)
10. RF. Resolution of the Perm Regional Court of 09.08.2017 in the case No. 44а-1054/2017. (In Russian)
11. RF. Decree of the Nizhny Novgorod Regional Court of December 18, 2015 in case No. 4а-923/2015. (In Russian)
12. RF. Decree of the Volgograd Regional Court of 17.04.2015 in case No. 7а-453/15. (In Russian)
13. RF. Decree of the Nizhny Novgorod Regional Court of 04.12.2015 on the case No. 4а-796/2015. (In Russian)
14. European Agreement supplementing the Convention on Road Traffic done at Vienna on the 8th of November

- 1968, dated the 1st of May 1971. *Byulleten mezhdunarodnykh dogovorov*, 2008, no. 1, pp. 3–23.
15. RF. The Order of the RF Ministry of Internal Affairs dated the 23rd of August 2017 No. 664 (ed. Dated the 21st of December 2017) “Concerning the approval of the Administrative procedure for the fulfillment by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of state function of the implementation of federal government supervision over observance of the statutory requirements of the Russian Federation in the sphere of traffic safety by the road users”. *Rossiyskaya gazeta*, 2017, 13 okt. (no. 232).
 16. RF. Resolution of the Amur Regional Court of 26.05.2015 in case No. 4A-310/2015. (In Russian)
 17. RF. Decree of the Orenburg Regional Court of December 26, 2017 No. 4a-742/2017. (In Russian)
 18. RF. Resolution of the Saratov Regional Court of 23.01.2018 No. 4A-35/2018. (In Russian)
 19. RF. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated the 24th of November 2016 No. 2526-O “Concerning the refusal to accept for consideration the appeal of the citizen Khalabuda Tatiana Nikolaevna against the violation of her constitutional rights by the provision of the note to Article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses”. (In Russian)
 20. Pankova O.V. *Administrativnye pravonarusheniya v oblasti dorozhnogo dvizheniya: komentarii k glave 12 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh (postateynyy)* [Traffic Offenses: commentary to Chapter 12 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, Statut Publ., 2016. 606 p.
 21. Order of Ministry of Health of the Russian Federation dated the 14th of July 2003 No. 308 (ed. dated the 5th of March 2014) “Concerning medical examination for intoxication”. *Rossiyskaya gazeta*, 2003, 24 July (no. 147).
 22. Order of Ministry of Health of the Russian Federation dated the 18th of December 2015 No. 933n “Concerning the procedure for medical examination for intoxication (alcoholic, narcotic, or other toxic”. *Rossiyskaya gazeta*, 2016, 23 March (no. 60).
 23. Decree of the Supreme Court of the Russian Federation of 08.02.2018 No. 18-AD18-1. (In Russian)
 24. RF. Findings of the Committee for Public Health dated the 9th of November 2017 “On the draft federal law No. 262269-7 “On amendments being made to the Article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses”. (In Russian)
 25. RF. Explanatory Note “On the draft federal law “On amendments being made to the Article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses”. (In Russian)

**THE ISSUES OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF ESTABLISHING
THE FACT THAT A PERSON DRIVES A VEHICLE IN A STATE OF INTOXICATION
(NOTE TO ARTICLE 12.8 OF THE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
ON ADMINISTRATIVE OFFENSES)**

© 2018

A.V. Moiseev, lecturer of Chair “Constitutional and administrative law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: an administrative offense; the objective side of an administrative offense; the fact that a person drives a vehicle while intoxicated; breath alcohol concentration; maximum allowable level of blood alcohol content.

Abstract: The paper considers the legal regulation and practice of establishing the fact when a person drives a vehicle in a state of intoxication. For such offense, the current Code of the Russian Federation on Administrative Offenses establishes an administrative responsibility, the practical application of which causes many disputes related to the appeal of the decisions on the accountability for crimes. However, most of the disputes arise about the issue of the determination of a state of intoxication that is the main in the characteristics of the considered administrative offenses and is determined in accordance with the notes to the Article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. The paper draws attention to the legislative vacuum existed until recently and involved the use by the legislator of one indicator of alcohol level and the absence of reference to the maximum allowable level of blood alcohol content in the note to the Article 12.8 of the Administrative Code. It is evidenced by the numerous legal precedents on the issue of at what value of blood alcohol content, the fact of intoxication should be regarded as the established one in the cases when the analysis was carried out not by inhaling air but by taking blood samples. The existed legislative vacuum contributed to the fact that the persons who actually drove a vehicle in the state of intoxication avoided the administrative responsibility that, as a consequence, reduced the level of road safety. The paper analyzes the Federal Law of April 3, 2018 № 62-FZ with regard to the addition of a provision to the Notes to the Article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses that allows establishing the state of alcohol intoxication by the presence of absolute ethyl alcohol in the concentration of 0.3 and more grams per liter of blood. The issues studied in the paper and arising in the practice of establishing the fact when a person drives a vehicle while intoxicated were solved by this Federal law which allows taking administrative actions against the persons who actually drove a vehicle in the state of intoxication.

ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПЕРЕВОЗЧИКА ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРАНСПОРТНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© 2018

Е.Н. Немова, преподаватель кафедры «Теория и история государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: освобождение от юридической ответственности; перевозчик; освобождение от ответственности перевозчика; обстоятельства, освобождающие перевозчика от ответственности; транспортные отношения; транспортное законодательство; непреодолимая сила.

Аннотация: Причиной возникающих коллизий в правовом регулировании оснований освобождения от ответственности перевозчика является большое количество законов, регулирующих транспортные отношения в Российской Федерации. Целью данной статьи является исследование оснований, освобождающих от ответственности перевозчика по действующему транспортному законодательству в Российской Федерации. В работе был проведен анализ действующего транспортного законодательства, в части регулирования оснований освобождения перевозчика от ответственности, которые были разделены на три вида. К первому виду обстоятельств, которые исследовались в статье, относятся обстоятельства чрезвычайного или непреодолимого характера, освобождающие перевозчика от ответственности. Обстоятельствами второго вида являются обстоятельства, исключающие ответственность перевозчика, ввиду ненадлежащего исполнения транспортного обязательства перевозчиком, произошедшее по вине заказчика услуги, т.е. вызвано действиями, за которые отвечает заказчик. Третий вид обстоятельств – обстоятельства, которые не являются чрезвычайными и непреодолимыми, но которые освобождают перевозчика от ответственности, если его вина не будет доказана грузополучателем. По результатам проведенного исследования был сделан вывод о том, что перевозчик освобождается от ответственности, если несохранность груза произошла вследствие обстоятельств, за которые перевозчик не отвечает. При этом перевозчик, не исполнивший или ненадлежащим образом исполнивший обязательство, может быть освобожден от ответственности лишь при наличии обстоятельств, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело.

ВВЕДЕНИЕ

Освобождение от юридической ответственности в отраслях публичного и частного права отличается. Одним из таких отличий является возможность установления оснований для освобождения от ответственности соглашением в отраслях частного права, в то время, как освобождение от уголовной ответственности строго предусмотрены нормами Уголовного кодекса РФ [1]. Кроме того, основания освобождения от гражданско-правовой ответственности устанавливаются не только в Гражданском кодексе РФ [2] [3], но и в многочисленных нормативно-правовых актах, содержащих нормы гражданского права.

Так, транспортные отношения в Российской Федерации регулируются большим количеством законов, к ним в первую очередь относятся: Гражданский и Воздушный кодексы РФ [4], Кодексы внутреннего водного транспорта РФ [5], торгового мореплавания РФ [6], федеральные законы: Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации [7], Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта [8], «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] и др. Такой большой объем нормативных правовых актов в сфере транспортных отношений является причиной возникающих в правовом регулировании оснований освобождения от ответственности коллизий.

Цель настоящей статьи – рассмотреть основания освобождения перевозчика от ответственности по нормам действующего гражданского и транспортного законодательства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Возможность освобождения перевозчика от ответственности предусмотрена в п. 1 ст. 796 ГК РФ, согласно которой перевозчик должен доказать факт утраты, недостачи или повреждения груза вследствие обстоятельств, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело. Данные обстоятельства конкретизируются положениями соответствующих транспортных законов.

Исходя из анализа действующего транспортного законодательства в качестве обстоятельств, освобождающих перевозчика от ответственности можно выделить следующие:

- непреодолимая сила (п. 1 ст. 166 Кодекса торгового мореплавания РФ (КТМ РФ); п. 1 ст. 36 Устава автомобильного транспорта);
- в установленном законом порядке введены временные ограничения или запрет движения транспортных средств по автомобильным дорогам, по не зависящим от перевозчика причинам (п. 2 ст. 36 Устава автомобильного транспорта);
- особые естественные свойства перевозимых груза (ст. 95 ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»);
- пожар, возникший не по вине перевозчика (п. 4 ст. 166 КТМ РФ);
- действия или распоряжения властвующих субъектов (п. 5 ст. 166 КТМ РФ);
- военные действия и народные волнения (п. 6 ст. 166 КТМ РФ);
- скрытые недостатки, свойства груза, его естественная убыль (п. 8 ст. 166 КТМ РФ);
- повреждение или недостача груза произошли в силу естественных причин, связанных с его перевозкой

в открытом железнодорожном составе (ст. 118 УЖТ РФ);

– недостача груза, грузобагажа не превышает норму естественной убыли (ст. 118 УЖТ РФ), которая согласно постановлению Правительства РФ от 12.11.2002 г. № 814 [10] разрабатывается с учетом технологических условий хранения и транспортировки, климатического и сезонного факторов, влияющих на естественную убыль материально-производственных запасов;

– и другие обстоятельства, обладающие чрезвычайным и непреодолимым характером согласно п. 1 ст. 796 ГК РФ. При этом, перевозчик отвечает за сохранность груза независимо от наличия или отсутствия вины, если это предусмотрено законом. Такой вывод привел Верховный Суд РФ в своем Обзоре судебной практики по договорам перевозки груза и транспортной экспедиции [11].

В обзоре рассмотрено три случая:

- ДТП по вине третьего лица;
- пожар в машине перевозчика;
- хищение груза третьим лицом.

Во всех ситуациях Верховный Суд РФ пришел к выводу, что перевозчик должен ответить за сохранность груза, поскольку причины повреждений не обладают признаками непреодолимой силы или перевозчик должен был их предвидеть. При этом наличие либо отсутствие вины не имеет значения. Ранее аналогичный подход в случае с пожаром в машине перевозчика применил Президиум ВАС РФ [12]. В то же время перевозчик освобождается от ответственности, когда утрата или повреждение груза произошли из-за его ненадлежащей упаковки грузоотправителем. Это справедливо, если перевозчик не брал на себя обязательств по упаковке.

Обстоятельствами, исключающими ответственность перевозчика, является ненадлежащее исполнение транспортного обязательства перевозчиком, которое произошло по вине заказчика услуги, т.е. вызвано действиями, за которые отвечает заказчик:

– недостача или утрата груза произошли по причине недостоверных, неточных или неполных сведений, указанных в транспортной накладной (ст. 118 УЖТ РФ);

– повреждение или порча груза, тары или упаковки, возникшие из-за ненадлежащего их качества или особых естественных и физических свойств (ст. 39 Соглашения о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) [13]);

– неправильный способ перевозки скоропортящегося груза (ст. 39 СМГС);

– действия или бездействие отправителя или получателя (ст. 166 КТМ РФ);

– перевозку груза сопровождают представители отправителя или получателя (ст. 168 КТМ РФ, ст. 118 УЖТ РФ). При этом, договор на сопровождение и охрану груза, должен содержать условия, устанавливающие ответственность охраны перед перевозчиком за утрату груза, повреждение или несоответствие перевозочным документам. В противном случае перевозчик несет ответственность [14];

– недостаточность или неясность марок (п. 10 ст. 166 КТМ РФ);

– отсутствие признаков, свидетельствующих о несохранности груза (ст. 118 УЖТ РФ). Следует обратить внимание на то, что в ситуации, когда грузополучатель обнаруживал недостачу груза, прибывшего к месту на-

значения в исправных вагонах, суды не раз приходили к выводу об отсутствии ответственности железнодорожного перевозчика за недостачу груза [15; 16].

Однако, рассматривая спор между грузополучателем и железнодорожным перевозчиком в аналогичных обстоятельствах, Президиум ВАС РФ пришел к противоположному выводу. По мнению ВАС РФ, перевозчик мог предотвратить возникновение недостачи груза, если бы проверил соответствие массы груза в вагоне массе, указанной в железнодорожных накладных. Тот факт, что он этого не сделал, свидетельствует о том, что перевозчик не проявил должную осмотрительность при перевозке вверенного груза и ненадлежащим образом исполнил свои обязанности. В таких обстоятельствах грузоперевозчик обязан возместить грузополучателю убытки, возникшие из-за недостачи груза [17].

Можно также выделить обстоятельства, которые нельзя отнести к чрезвычайным и непреодолимым, но которые освобождают перевозчика от ответственности, если его вину не получится доказать грузополучателю:

– тара, в которой доставлен груз является исправной и не имеет следов вскрытия в пути (ст. 168 КТМ РФ, ст. 118 УЖТ РФ).

Например, удовлетворяя иск организации к судоходной компании о взыскании убытков, составляющих стоимость недостающего маловязкого судового топлива, суд в качестве доказательств признания вины ответчика в утрате груза, указал, ссылаясь на п. 1 ст. 796 ГК РФ, ст. 168 КТМ РФ на отсутствие надлежащей пломбировки емкостей судна [18];

– незаметные для внешнего осмотра недостатки тары и упаковки груза (п. 9 ст. 166 КТМ РФ);

– исправными являются вагоны и контейнеры в которых прибыл груз, а так же защитная маркировка (ст. 118 УЖТ РФ);

– исправность грузовых помещений с исправными пломбами отправителя (ст. 168 КТМ РФ, ст. 118 УЖТ РФ).

Таким образом, обстоятельствами, которые освобождают перевозчика от ответственности за несохранность груза, являются те обстоятельства, за которые он не отвечает.

При этом действующая судебная практика учитывает такое обстоятельство, как то, что некоторые перевозчики являются монополистами и весь процесс перевозки находится под контролем именно перевозчика, а не грузоотправителя (грузополучателя), пассажира. В связи с чем, признается, что перевозчик, являющийся субъектом предпринимательской деятельности, освобождается от ответственности при наличии обстоятельств, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело. Иными словами, перевозчик освобождается от ответственности в соответствии с п. 1 ст. 796 ГК РФ, если докажет, что проявил необходимую степень заботливости и осмотрительности в целях надлежащего исполнения своих обязательств [19; 20].

Так, рассмотрев представленные в дело: техническое заключение согласно которому транспортное происшествие квалифицировано как крушение и ответственность за него возложена на арендатора; экспертное заключение, из которого следует, что причиной схода вагонов явилось нарушение арендатором требований пункта 16 главы IV Правил технической эксплуатации

железных дорог России, в части несодержания путей необщего пользования в исправном техническом состоянии, в частности, технического содержания стрелочного перевода, суд пришел к выводу об отсутствии вины перевозчика в транспортном происшествии и счел необходимым отказать в удовлетворении заявленных требований завода.

Однако апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции, ссылаясь на заключения экспертов, из которого следовало, что в момент движения подвижного состава по стрелочному переводу «против шерсти» (от остряков к крестовине) остряки не были зафиксированы по направлению движения на путь № 7 закладкой, что привело к постепенному смещению остряков в горизонтальном направлении и движение колесных пар, начиная с вагона № 50950377, стало осуществляться одновременно по двум рамным рельсам. Это привело к провалу колесной пары в корне остряков, что и явилось причиной схода 2-х железнодорожных вагонов № 50950377, 58647082 и тепловоза ЧМЭЗ № 6041. Так же эксперты пришли к выводу, что причиной произошедшего схода двух железнодорожных вагонов № 50950377, 58647082 и тепловоза ЧМЭЗ № 6041 является нарушение работником, в обязанности которого входит перевод стрелок. В связи с этим суд апелляционной инстанции данное обстоятельство признал объективно предотвратимым, которое перевозчик мог предвидеть и устранить. Единственным основанием освобождения его от ответственности за утрату груза является наличие доказанных им препятствий вне разумного контроля перевозчика – обстоятельства, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело (п. 1 ст. 796 ГК РФ) [21].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенный анализ действующего транспортного законодательства, в части регулирования оснований освобождения перевозчика от ответственности, позволяет выделить следующие основания: обстоятельства чрезвычайного или непреодолимого характера, освобождающие перевозчика от ответственности; обстоятельства, исключающие ответственность перевозчика, ввиду ненадлежащего исполнения транспортного обязательства перевозчиком, произошедшее по вине заказчика услуги, т. е. вызвано действиями, за которые отвечает заказчик; обстоятельства, которые не являются чрезвычайными и непреодолимыми, но которые освобождают перевозчика от ответственности, если его вина не будет доказана грузополучателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 19.02.2018 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ: ред. от 29.12.2017 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ: ред. от 05.12.2017 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 г. № 60-ФЗ: ред. от 31.12.2017 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.
5. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 г. № 24-ФЗ: ред. от 29.12.2017 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.
6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 г. № 81-ФЗ: ред. от 29.12.2017 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.
7. РФ. Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 18-ФЗ: ред. от 18.07.2017 «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 170.
8. РФ. Федеральный закон от 08.11.2007 г. № 259-ФЗ: ред. от 03.07.2016 «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 46. Ст. 5555.
9. РФ. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 220-ФЗ: ред. от 29.12.2017 «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29-1. Ст. 4346.
10. РФ. Постановление Правительства РФ от 12.11.2002 г. № 814: ред. от 26.03.2014 «О порядке утверждения норм естественной убыли при хранении и транспортировке материально-производственных запасов» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4596.
11. РФ. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017 // Консультант-Плюс: справочно-правовой портал.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285603/.
12. РФ. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.03.2012 г. № 14316/11 по делу № А50-21608/2010 // Федеральные Арбитражные суды Российской Федерации.
URL: arbitr.ru/as/pract/post_pres/1_1_43fe30c6-3562-412a-99de-37b33160d508.html.
13. Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) (с изм. и доп. на 01.07.2017) // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: docs.cntd.ru/document/1901924.
14. РФ. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 21.09.2010 г. по делу № А43-40358/2009 // Консультант-Плюс: справочно-правовой портал.
URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=37690#0958104682981817.
15. РФ. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 07.07.2008 г. по делу № А56-19154/2007 // Консультант-Плюс: справочно-правовой портал.
URL: consultant.ru/.
16. РФ. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2012 г. № 18АП-1181/2012 по делу № А76-18312/2011 // Консультант-Плюс: справочно-правовой портал.

- URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS018&n=30860#07343440838710757.
17. РФ. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.01.2014 г. № 14672/13 по делу № А55-18646/2012 // Федеральные Арбитражные суды Российской Федерации.
URL: arbitr.ru/as/pract/post_pres/1_1_38258912-56ed-4ade-8b08-f9bccb5eee9c.html.
 18. РФ. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 15.11.2010 г. № Ф03-7949/2010 по делу № А73-1400/2010 // Сейчас.ру: новости России и мира.
URL: lawmix.ru/dalnevost/463.
 19. РФ. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.09.2016 г. № Ф10-3250/2016 по делу № А09-14021/2015 // Консультант-Плюс: справочно-правовой портал.
URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=99463#023538234970279148.
 20. РФ. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.10.2016 г. № Ф01-3847/2016 по делу № А43-15160/2015 // Правосудие: судебная практика России. URL: pravosudie.biz/3470026.
 21. РФ. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.12.2016 г. № Ф01-5009/2016 по делу № А11-8478/2015 // Время бухгалтера.
URL: v2b.ru/documents/postanovlenie-arbitrazhnogo-suda-volgo-vyatskogo-okruga-ot-17-05-2016/.
- REFERENCES**
1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on 19.02.2018). *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1996, no. 25, st. 2954.
 2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (Edited from December 29, 2017). *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1994, no. 32, st. 3301.
 3. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 05.12.2017). *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1996, no. 5, st. 410.
 4. The Air Code of the Russian Federation of March 19, 1997 No. 60-FZ (as amended on December 31, 2017). *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1997, no. 12, st. 1383.
 5. The Code of Inland Water Transport of the Russian Federation of 07.03.2001 No. 24-FZ (as amended on December 29, 2017). *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2001, no. 11, st. 1001.
 6. Code of Merchant Shipping of the Russian Federation from 30.04.1999 No. 81-FZ (as amended on December 29, 2017). *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1999, no. 18, st. 2207.
 7. RF. Federal Law of 10.01.2003, No. 18-FZ (as amended on July 18, 2017) "Charter of Railway Transport of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2003, no. 2, st. 170.
 8. RF. Federal Law No. 259-FZ of 08.11.2007 (as amended on 03.07.2016) "Charter of road transport and urban land electric transport". *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2007, no. 46, st. 5555.
 9. RF. Federal Law No. 220-FZ of July 13, 2015 (as amended on December 29, 2017) "On the organization of regular transportation of passengers and baggage by road and urban land electric transport in the Russian Federation and on amending certain legislative acts of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2015, no. 29-1, st. 4346.
 10. RF. Decree of the Government of the Russian Federation of 12.11.2002 No. 814 (Edited on 26.03.2014) "On the procedure for approving the norms of natural loss during storage and transportation of inventories". *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2002, no. 46, st. 4596.
 11. RF. Review of judicial practice in disputes related to contracts of carriage of goods and transport expedition (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 20, 2017). (In Russian)
 12. RF. Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 20.03.2012 No. 14316/11 in case No. А50-21608/2010. (In Russian)
 13. Agreement on international railway cargo communications (SMGS) (with amendment and addendum as of 01.07.2017). *Konsortsium Kodeks: elektronnyy fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii*. URL: docs.cntd.ru/document/1901924.
 14. RF. Decree of the Federal Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 21.09.2010 in case No. А43-40358/2009. (In Russian)
 15. RF. Decree of the Federal Antimonopoly Service of the North-Western District of 07.07.2008 on the case No. А56-19154/2007. (In Russian)
 16. RF. Decision of the Eighteenth Arbitration Appeal Court of 20.03.2012 No. 18AP-1181/2012 in case No. А76-18312/2011. (In Russian)
 17. RF. Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 28.01.2014 No. 14672/13 in case No. А55-18646/2012. (In Russian)
 18. RF. Decree of the FAS of the Far Eastern District No. F03-7949/2010 of 15.11.2010 in case No. А73-1400/2010. (In Russian)
 19. RF. Decree of the Arbitration Court of the Central District of 22.09.2016 No. F10-3250/2016 in case No. А09-14021/2015. (In Russian)
 20. RF. Decree of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District No. Ф01-3847/2016 of 28.10.2016 in case No. А43-15160/2015. (In Russian)
 21. RF. Decree of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 05.12.2016 No. Ф01-5009/2016 in case No. А11-8478/2015. (In Russian)

**THE GROUNDS FOR THE RELEASE OF A CARRIER FROM LIABILITY
IN TRANSPORT LEGISLATION**

© 2018

E.N. Nemova, lecturer of Chair “Theory and History of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: release from legal liability; carrier; release from liability of a carrier; circumstances releasing the carrier from liability; transport relations; transport legislation; force majeure.

Abstract: A large number of laws regulating transport relations in the Russian Federation cause conflicts in the legal regulation of the grounds for the release of a carrier from liability. The purpose of this paper is to study the grounds for the release of a carrier from liability according to the transport legislation of the Russian Federation. The author carried out the analysis of the current transport legislation in terms of regulation of the grounds releasing a carrier from liability which divided into three types. Extraordinary or insurmountable circumstances releasing a carrier from liability are the circumstances of the first type. The circumstances of the second type are the circumstances excluding the carrier’s liability as the result of improper performance of a transport obligation by the carrier, which occurs due to the services customer fault, i.e. caused by actions for which the customer was responsible. The third type of circumstances is the circumstances that are not extraordinary and insurmountable but release the carrier from liability if its guilt will not be proved by a consignee. According to the results of the study, the author concludes that a carrier is released from liability if the cargo non-safety caused by the circumstances for which the carrier is not responsible. However, a carrier, who did not perform or performed improperly an obligation, can be released from liability only in the case when the circumstances could not be prevented and removed by the carrier.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОФАЙЛИНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В ИНТЕРЕСАХ СЛЕДСТВИЯ

© 2018

Н.В. Олиндер, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Е.А. Гамбарова, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара (Россия)

Ключевые слова: следствие; социальные сети; профайлинг; прогнозирование поведения; тактика следственных действий; юридическая психология.

Аннотация: В данной статье рассмотрены некоторые вопросы использования профайлинга в социальных сетях в интересах следствия. В статье обозначены актуальные проблемы виртуализации коммуникаций, показаны перспективы использования информации из социальных сетей в расследовании преступлений. Даны определения социальных сетей, приведён международный опыт использования информации из социальных сетей в расследовании преступлений. Авторами ведётся поиск путей максимально быстрого получения информации для анализа и оценки с целью составления психологического портрета интересующего следователя лица. Рассматриваются вопросы получения информации о признаках внешности, социально-психологических качеств личности (в частности, психотипа), особенности речи и мимики, круга общения, места проведения досуга и т. д. В максимально сжатые сроки, так как эти признаки являются высоко информативными объектами криминалистического наблюдения. Представляется целесообразным использования инструментов цифрового профайлинга для достижения обозначенной цели. Раскрыто понятие профайлинг, цифровой профайлинг. Приведена классификация психотипов семи радикалов В.В. Пономарёва. Кратко описаны истероидный радикал, паранояльный радикал, шизоидный радикал, эмотивный радикал, тревожный радикал, гипертимный радикал, эпилептоидный радикал. На примере истероидного радикала рассмотрено поведение личности такого типа в социальной сети, в частности: выявлены особенности ведения страниц социальных сетей, виды и типы размещаемых фотографий, содержание постов, уровень активности в сети как по времени, так и по охвату страниц других пользователей. Обозначены некоторые параметры и условия при анализе которых возможно с большей вероятностью отнести человека к этому психотипу и в дальнейшем спрогнозировать его поведение и подобрать оптимальные коммуникативные инструменты для работы с ним.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время отмечается изменение способов и форм общения между людьми, оборота информации. Отчасти это обусловлено развитием глобальной сети Интернет, виртуализацией коммуникаций. Всё больший оборот набирает общение посредством социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук, Instagram и проч.) и мессенджеров (Viber, WhatsApp, Messenger и т. д.). Рост популярности социальных медиа (социальных сетей, мессенджеров, он-лайн компьютерных игр и пр.), широкое распространение «виртуальных» баз данных, он-лайн банкинга, облачного хранения и других инструментов, используемых с целью более удобного и быстрого построения коммуникаций и получения/предложения услуг приводит не только к необходимости нормативного регулирования данных отношений, но и обуславливает создание новых подходов к работе с виртуальным пространством в криминалистике [1].

Особенно ярко переход общения в виртуальную плоскость проявляется в значительном росте количества пользователей социальных сетей, их активности в социальных сетях – как посредством общения друг с другом через личные сообщения, так и размещения на своих личных страничках различных фотографий и записей о себе, своих близких, своих интересах, а также схожих со своими, мыслей в открытом доступе.

Наиболее часто социальные медиа представляют как вид массовой коммуникации посредством интернета; как набор online-технологий, которые позволяют поль-

зователям общаться между собой. Такое общение может быть различной формы: переписка, налаживание контактов, обмен информацией, новостями и т. д. Социальные платформы образуют внутри себя еще ряд определенных социальных сред, которые могут быть сформированы по определенному признаку (территориальному, расовому, половому, профессиональному, возрастному и т. д.). Одной из примечательных особенностей сети Интернет является то, что информация в социальных сетях имеет свойство накапливаться и храниться достаточно долгий период времени, и являясь своеобразным «банком информации», позволяет анализировать информацию о конкретном пользователе, что является значимым в криминалистике, и может выступать доказательством по уголовному делу [2].

Теме использования цифровой информации в криминалистике и уголовном процессе посвящены работы многих авторов: рассматривается современное состояние и перспективы развития средств и технологий цифровой криминалистики [3], подробно описано содержание цифровой криминалистики [4], рассмотрено правовое понимание компьютерной информации [5], обсуждаются меры в области информационной безопасности [6].

Цель исследования – рассмотреть особенности получения информации о признаках внешности, социально-психологических качеств личности (в частности, психотипа), особенности речи и мимики, круга общения, места проведения досуга пользователя социальных сетей в криминалистических целях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Очевидно, что при расследовании преступлений получение сведений о личности невозможно без использования методов общей, социальной, юридической психологии, приспособленных к условиям процессуальной деятельности: наблюдения, эксперимента, анкетирования, интервьюирования, тестирования и др. Особенности психологических методов изучения личности заключается в том, что они должны применяться в совокупности. Лишь при соблюдении данного принципа гарантируется получение достоверной информации о личности, с учётом оценки значимости её характеристик для достижения целей расследования [7].

По словам Е.П. Ищенко одним из самых распространённых и эффективных методов познания является наблюдение, т. е. целенаправленное, планомерное восприятие познаваемого объекта с целью изучения за счёт выделения и оценки присущих ему свойств и характеризующих их признаков [7].

Признаки внешности, социально-психологические качества личности (в частности, психотип), особенности речи и мимики, круг общения, места проведения досуга и т. д. являются высоко информативными объектами криминалистического наблюдения и поиск путей максимально быстрого получения информации для анализа и оценки с целью составления психологического портрета интересующего следователя лица, представляется целесообразным [2].

В настоящее время есть ряд общенаучных способов получения информации о личности: наблюдение; эксперимент; анкетирование; интервьюирование; тестирование; биографические метод (детальное изучение жизнедеятельности отдельного человека в течение продолжительного периода времени. Это помогает получить характеристику человека, учитывая его жизненный опыт и те обстоятельства, которые так или иначе оказывали на него влияние. Такой подход позволяет оценить мотивы личности и причины его поведения. Также в ряде случаев позволяет предсказать, как человек поведёт себя в дальнейшем); метод обобщения независимых характеристик (сбор и анализ сведений об изучаемой личности полученной от разных лиц); метод анализа продуктов деятельности; референтометрия; социометрия.

В США социальные сети активно используют при расследовании преступлений, так как это ценный инструмент для поиска и сбора информации об интересующих событиях и людях [8; 9]. Работа с информацией – неотъемлемый элемент познавательной деятельности следователя. Большое количество информации о личности и её действиях доступно через видео, фотографии и тексты, а также онлайн через различные интернет-приложения (например, Periscope) [10–12].

Под «профайлингом», понимается совокупность психологических методов и методик оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа его наиболее информативных признаков и характеристик внешности, дающих возможность получения объективной информации через вербальные и невербальные компоненты, использующиеся в межличностном общении, и позволяющие определять нетипичные изменения в поведении, направленные на сопротивление установлению объективной истины. Профайлинг можно рассматривать как технологию оценки и прогнозирования

поведения человека на основе таких характеристик, как проявления вегетативной нервной системы, эмоциональные состояния, особенности речи, невербальные проявления, особенности внешности и другие информативные признаки [13; 14]. Данное условие объясняет высокую практическую эффективность профайлинга при составлении психологического портрета (профиля пользователя).

Представляется целесообразным ввести понятие цифрового профайлинга как составления психологического портрета личности путём анализа его поведения в цифровом пространстве (посредством анализа социальных сетей, виртуальных игр, просмотра видео и аудио-записей и т. д.).

Необходимость изучения цифрового профайлинга и описания его методики объясняется тем, что в настоящее время остро стоит вопрос о поиске оптимальных способов (которые бы позволили бы сохранить время и уменьшить трудозатраты) сбора и анализа информации о личности, составления психологического портрета личности, выявления слабых и сильных сторон личности, прогнозирования поведения. Сведения такого рода, смогли бы помочь следователю при планировании, а также при проведении следственных действий.

На стадии планирования следственных действий, следователь смог бы подобрать определённую тактику проведения следственного действия, учитывая психологический портрет личности [15–17]. Непосредственно во время проведения следственного действия (например, допроса помог бы следователю скорее установить психологический контакт и т. д.).

В психологии имеется большое количество классификаций психотипов личности. Для удобства в рамках этой статьи мы остановимся на методике семи радикалов, предложенной В.В.Пономаренко [18]. В. В. Пономаренко предлагает деление на семь психотипов, обладающих своими свойствами на основе которых можно спрогнозировать поведение человека в типичных ситуациях. К таким психологическим типам он относит: истероидов (демонстративных), эпилептоидов (исполнительных), эмотивов (чувствительных), гипертимов (активных), тревожных, шизоидов, параноялов.

Истероидный радикал примечателен тем, что для него крайне важно поднятие собственного эго. Это демонстративный психотип, которому важно нравиться, производить впечатление.

Эпилептоидный радикал старается всё контролировать, быть авторитетом. Не эмоциональны, жестки, стремятся к порядку и иерархии. Эти люди часто импульсивны, иногда агрессивны, их редко «мучает совесть», они имеют сильную нервную систему, их сложно сломить.

Эмотивный радикал присущ людям чувствительным, излишне эмоциональным. Люди мягкие, неконфликтные.

Гипертимный радикал свойственен людям жизнерадостным, очень активным, имеющим очень большие социальные связи. На контакт идут с удовольствием очень любят поговорить, склонны к излишнему доверию.

Шизоидный радикал относится к категории людей с собственными представлениями о реальности часто отличающимся от большинства. Этим людям свойственна интровертность, на контакт идут тяжело.

Параноял радикал относится к категории людей с очень сильным внутренним стержнем, ради своей цели готовых на многое. В общении стараются искать выгоду, критичны, отличаются низкой внушаемостью.

Тревожный радикал живёт по принципу «как бы чего не вышло», им свойственна повышенная тревога, постоянная перестраховка от ошибок. Такие люди часто не могут сами принять решение. Это сдержанные в высказываниях и поступках люди.

Учитывая, что все эти психотипы сильно отличаются друг от друга, их поведение в виртуальном пространстве будет сильно отличаться и проявление этого поведения будет достаточно характерной для того или иного психотипа.

Например, у истероидного (или демонстративного) типа личности основная жизненная цель – поднятие собственного эго путём привлечения внимания. Соответственно социальные сети – идеальное пространство для того, чтобы реализовывать свою социальную установку. Его страница в социальной сети, как правило будет указывать на его истероидность. Часто активность этого психотипа в социальных сетях высокая, друзей много, фотографий много, преобладают селфи, также много фотографий, которые могут тем или иным образом привлечь внимание. Если оценивать записи и комментарии на странице демонстративного типа личности, то можно увидеть, что значительно в записях преобладает местоимение «я», выражения «со мной» и т. д.

Таким образом, следователь проанализировав страничку в социальных сетях и определив, что имеет дело с истероидным (или демонстративным) типом личности будет иметь ввиду некоторые его особенности. Например, истероид склонен к фантазированию, приукрашиванию, болезненно переносит критику, может соврать и т. д. Это поможет ему подобрать оптимальную тактику следственного действия, например, допроса. У каждого психотипа есть особенности в его активности в социальных сетях, и следователю следует учитывать данный факт при планировании расследования каждого преступления. Информация о типе личности следователю необходима не только при сборе информации о подозреваемом (обвиняемом), но и при работе с потерпевшими, свидетелями [19]. В процессе оформления результатов поиска и анализа информации о личности в социальных сетях следователь должен соблюдать нормы уголовно-процессуального законодательства, с учетом особенностей следообразования в виртуальной среде [20].

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации не выработано методики цифрового профайлинга, не описаны особенности поведения разных психотипов в социальных сетях, не описана методика определения психотипа личности и прогнозирования его поведения. Цифровой профайлинг может быть использован в криминалистике для сбора и анализа информации о личности подозреваемого (обвиняемого), свидетелей, потерпевших и прочее. Разработка цифрового профайлинга представляется интересным направлением, как для психологии, так и для криминалистики, а его изучение целесообразным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олиндер Н.В., Гамбарова Е.А. О результатах эксперимента «поиск и восприятие информации о личности в сети интернет и ее использование при расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2017. № 4. С. 29–31.
2. Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 199–203.
3. Мещеряков В.А. Особенности специальных знаний, используемых в цифровой криминалистике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 87–92.
4. Мещеряков В.А. Цифровая криминалистика // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4. С. 231–241.
5. Фатьянов А.А., Дорошков В.В. О дефиниции «компьютерная информация» в российском уголовном законодательстве // Информационное право. 2017. № 3. С. 11–16.
6. Лопатин В.Н. Проблемы информационной безопасности и риски интеллектуальной собственности в цифровой экономике // Информационное право. 2017. № 2. С. 8–16.
7. Криминалистические средства и методы собирания доказательств / отв. ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2017. 288 с.
8. Casey E. Digital Evidence and Computer Crime. Forensic science, computers and the internet. 3rd ed. USA: Academic Press, 2014. 807 p.
9. Orin S. Kerr Computer Crime Law. 4th ed. USA: West Academic Publishing, 2018. 41 p.
10. Donald A. Dripps «Dearest Property»: Digital Evidence and the History of Private “Papers” as Special Objects of Search and Seizure // Journal of criminal law and criminology. 2013. Vol. 103. № 1. P. 49–109.
11. Loia V., Mattiucci M., Senatore S., Veniero M. Computer Crime Investigation by Means of Fuzzy Semantic Maps // Web Intelligence and Intelligent Agent Technology, IEEE/WIC/ACM International Conference on (2009). Milan: CSDL, 2009. P. 183–186.
12. Colombini C., Colella A. Digital Profiling: A computer forensics approach // Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics): International Cross Domain Conference and Workshop on Availability, Reliability and Security for Business, Enterprise and Health Information Systems, ARES 2011. Austria: Springer Nature, 2011. Vol. 6908. P. 330–343.
13. Кудин В.А., Статный В.М. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: от теории и методологии к практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 1–15.
14. Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 199–203.
15. Иванов Н.А. Цифровая информация в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5. С. 93–102.

16. Богданова Т.В. Методика анализа диалогов в судебной психолингвистической экспертизе по материалам следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий на предмет определения наличия и приемов оказываемого воздействия // Эксперт криминалист. 2018. № 3. С. 3–5.
17. Шутемова Т.В. Об изучении личности преступника // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 4. С. 91–92.
18. Пономаренко В.В. Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением (методика «семь радикалов»). Ростов-н/Д.: Феникс, 2006. 252 с.
19. Юношев С.В. Реализация положений ст. 6.1 УПК РФ в свете правовых позиций Европейского суда по правам человека // Мировой судья. 2012. № 4. С. 6–11.
20. Дубинин Л. Г. Осмотр следов преступления в сфере информационных технологий // Эксперт криминалист. 2017. № 1. С. 12–13.
10. Donald A. Dripps “Dearest Property”: Digital Evidence and the History of Private “Papers” as Special Objects of Search and Seizure. *Journal of criminal law and criminology*, 2013, vol. 103, no. 1, pp. 49–109.
11. Loia V., Mattiucci M., Senatore S., Veniero M. Computer Crime Investigation by Means of Fuzzy Semantic Maps. *Web Intelligence and Intelligent Agent Technology, IEEE/WIC/ACM International Conference on (2009)*. Milan, CSDL Publ., 2009, pp. 183–186.
12. Colombini C., Colella A. Digital Profiling: A computer forensics approach. *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics): International Cross Domain Conference and Workshop on Availability, Reliability and Security for Business, Enterprise and Health Information Systems, ARES 2011*. Austria, Springer Nature Publ., 2011. Vol. 6908, pp. 330–343.
13. Kudin V.A., Statnyy V.M. Profiling in the internal Affairs bodies: from theory to practice and methodology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2013, no. 3, pp. 1–15.
14. Chernyshov V.N., Loskutova E.S. Problems of collecting and use of digital proofs. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2017, vol. 12, no. 5, pp. 199–203.
15. Ivanov N.A. Digital Information in the Criminal Process. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2013, no. 5, pp. 93–102.
16. Bogdanova T.V. Methods of Dialog Analysis in Psycholinguistic Examination according to the Materials of investigation Activities and Operative Investigation Activities for Determination of Ways of Exerting Influence and Their Application. *Ekspert kriminalist*, 2018, no. 3, pp. 3–5.
17. Shutemova T.V. About on the study of the personality of the criminal. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 91–92.
18. Ponomarenko V.V. *Prakticheskaya kharakterologiya s elementami prognozirovaniya i upravleniya povedeniem (metodika “sem radikalov”)* [Practical characterology with elements of behavior projection and management (the method of “seven radicals”)]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006. 252 p.
19. Yunoshev S.V. The implementation of statements of the Art. 6.1 of the Criminal Procedure Code of the RF in view of legal positions of the European Court of Human Rights. *Mirovoy sudya*, 2012, no. 4, pp. 6–11.
20. Dubinin L.G. Inspection of Traces of an IT Crime. *Ekspert kriminalist*, 2017, no. 1, pp. 12–13.

REFERENCES

1. Olinder N.V., Gambarova E.A. On Results of Experiment “Search and Perception of Personal Information in the Internet and Its Usage at Crime Investigation”. *Ekspert-kriminalist*, 2017, no. 4, pp. 29–31.
2. Chernyshov V.N., Loskutova E.S. Problems of collecting and use of digital proofs. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2017, vol. 12, no. 5, pp. 199–203.
3. Meshcheryakov V.A. Special features of knowledge used in digital forensics. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2013, no. 4-2, pp. 87–92.
4. Meshcheryakov V.A. Digital criminalistics. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2014, no. 4, pp. 231–241.
5. Fatyanov A.A., Doroshkov V.V. On Definition of “Computer Information” in Russian Criminal Legislation. *Informatsionnoe pravo*, 2017, no. 3, pp. 11–16.
6. Lopatin V.N. Information Security Issues and Intellectual Property Risks in Digital Economy. *Informatsionnoe pravo*, 2017, no. 2, pp. 8–16.
7. Ishchenko E.P., ed. *Kriminalisticheskie sredstva i metody sobiraniya dokazatelstv* [Criminalistic tools and methods of collection of evidence]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 288 p.
8. Casey E. *Digital Evidence and Computer Crime. Forensic science, computers and the internet*. 3rd ed. USA, Academic Press Publ., 2014. 807 p.
9. Orin S. Kerr *Computer Crime Law*. 4th ed. USA, West Academic Publ., 2018. 41 p.

CERTAIN ISSUES OF USING A PROFILING IN SOCIAL NETWORKS FOR LEGAL REASONS

© 2018

N.V. Olinder, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Law and Procedure
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E.A. Gambarova, assistant of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics
Samara University, Samara (Russia)

Keywords: investigation; social networks; profiling; behavior prediction; investigative activities tactics; forensic psychology.

Abstract: This paper considers certain issues of using a profiling in social networks for legal reasons. The paper specifies the contemporary problems of communication virtualization, shows the prospects of using the information from social networks in the investigation of the crimes. The authors give the definitions of social networks; describe the international experience of using the information from the social networks in the investigation of the crimes; search for the quickest possible ways of obtaining the information for the analysis and assessment for the psychological profiling of a person of interest. The authors consider the issues of obtaining the information on the appearance characteristics, social-psychological qualities of a person (in particular, psychological type), speech and mimic pattern, the circle of contacts, the place of leisure, etc. in the shortest possible time as these characteristics are the high-information objects of criminalistic observation. It is reasonable to use digital profiling tools to achieve the designated objective. The authors define the concepts of a profiling and digital profiling; give the V.V. Ponomarev's classification of seven radicals' psychological types. The paper briefly describes the hysterical radical, paranoiac radical, schizoid radical, emotive radical, anxiety radical, hyperthymic radical, and epileptoid radical. Using the example of hysterical radical, the authors considered the behavior of a person of such type in the social network; in particular, the authors determined special aspects of keeping social network pages, kinds and types of published photos, posts' content, and activity level in the network both by time and by the coverage of other users' pages. The authors defined certain parameters and conditions, the analysis of which can help more likely to assign a person to this psychological type and to predict his or her behavior and to select optimal communicative tools to work with him or her.

ДРОБЛЕНИЕ БИЗНЕСА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПОЛУЧЕНИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКАМИ НЕОБОСНОВАННОЙ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ

© 2018

В.А. Остроухова, старший преподаватель
кафедры «Конституционное и административное право» Институт права,
советник государственной гражданской службы РФ 3 класса
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: налоговые органы; необоснованная налоговая выгода; дробление бизнеса; признаки дробления бизнеса.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению одного из основных способов получения налогоплательщиками необоснованной налоговой выгоды – дроблению бизнеса. Рассматриваемый вопрос не раскрыт или не полностью раскрыт в современном налоговом законодательстве. С целью раскрытия понятия «дробление бизнеса» дается оценка правоприменительных и право разъяснительных прецедентов с учетом новых законодательных подходов в налоговой практике.

В научной работе проводится анализ методических рекомендаций Следственного Комитета Российской Федерации и Федеральной налоговой службы Российской Федерации, которые направлены на исследование и доказывание фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налогов (сборов). Рассмотрены основные направления выявления налоговыми органами получения налогоплательщиками экономии на налоговых платежах с помощью создания «искусственной» ситуации – дробление бизнеса.

Особое внимание уделено обзору юридической практики по доказыванию фактов получения необоснованной налоговой выгоды налогоплательщиками.

Также в статье систематизирован и рассмотрен алгоритм действий юридических лиц, которые позволяют представителям контролирующих органов собрать доказательную базу, свидетельствующую о том, что разделение организации на несколько других юридических лиц – это всего лишь искусственно разработанная схема – «дробление бизнеса».

Результаты проведенного исследования могут применяться в теоретических исследованиях, посвященных анализу содержания и сущности прав и обязанностей налогоплательщиков, а также для разработки налоговой политики юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Проведенная работа позволяет выявить основные проблемы в области применения налогоплательщиками схем с разделением бизнес-процессов, а также предложить варианты их решения.

ВВЕДЕНИЕ

Конституцией Российской Федерации (ст. 57) установлена обязанность для физических, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей уплачивать законно установленные налоги и сборы [1].

В настоящее время нормативно-правовые акты (НПА) в области налогообложения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей позволяют применять основной режим налогообложения и специальные режимы налогообложения, которые и определяют специфику налогового учета налогоплательщиков.

Необходимо отметить, что большинство юридических лиц и индивидуальных предпринимателей относятся формально к экономическому обоснованию финансово-хозяйственной деятельности, а именно не проявляют должную осмотрительность в выборе бизнес-партнёров, не акцентируют внимание на процедуру оформления сделок между контрагентами, как следствие возникают ошибки при процедуре налогового планирования, повышается налоговый риск, риск возникновения контрольных мероприятий в отношении налогоплательщика с последующими доначислениями недоимки, пени и штрафов согласно нормам Налогового Кодекса Российской Федерации (НК РФ) [2].

Актуальным направлением в современной практике налогового планирования с позиции налогоплательщика является минимизации налоговой нагрузки с помощью «дробления бизнеса», так налогоплательщик вме-

сто одного юридического лица образуют другие юридические лица, которым передает различные функции ведения финансово-хозяйственной деятельности. Совокупность созданных юридических лиц в большинстве применяют специальные налоговые режимы. В соответствии со ст. 18 Налогового кодекса Российской Федерации специальные налоговые режимы могут предусматривать особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов, в частности к ним относится система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог), упрощенная система налогообложения (УСН), система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности (ЕНВД), система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции, патентная система налогообложения. Презумпция добросовестности налогоплательщиков предполагает, что юридические лица и индивидуальные предприниматели ведут предпринимательскую деятельность в рамках действующего законодательства о налогах и сборах [2]. Однако современная практика в области налоговых правоотношений показывает, что Федеральная налоговая служба Российской Федерации (ФНС РФ) устанавливает факты занижения налогоплательщиком налоговой базы разработкой «искусственной схемы» взаимодействий юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Целью данных действий является прикрытие фактической деятельности юридического лица, при этом данное лицо получает необоснованную налоговую выгоду за счет совокупности методов и методик, применяемых формально в рамках действующего правового поля [2]. Нормативно-правовое регулирование по вопросам получения налогоплательщиками необоснованной налоговой выгоды основывается на Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [3]. Критерии, согласно которым может быть доказана выгода налогоплательщиков, приводящая к занижению налоговой базы содержатся в разъяснениях Минфина РФ, ФНС Российской Федерации, Следственного Комитета России, Центрального Банка Российской Федерации [4–7]. Нормы, указанные в статье 54.1 НК РФ определяют критерии, которые позволяют не допускать создание налоговых схем незаконного умышленного уменьшения налоговой базы и как следствие налоговых обязательств. Так налоговой службе, для того чтобы доказать факт незаконной налоговой схемы необходимо собрать доказательную базу, которая будет свидетельствовать об умысле проверяемого налогоплательщика, его должностных лиц и учредителей о целенаправленном получении необоснованной налоговой выгоды. В соответствии с пунктом 5 статьи 82 НК РФ бремя доказывания необоснованности получения налоговой выгоды возложено на налоговые органы, таким образом должностные лица налоговой службы должны доказать недобросовестность налогоплательщика и его контрагентов.

Налогоплательщик имеет законное право, руководствуясь частью 1 статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) и пунктом 2 Пленума ВАС РФ Постановление №53 от 12.10.2006 отстаивать правомерность требований [8].

В случае если налоговым органам будет доказано получение необоснованной налоговой выгоды, то последует привлечение налогоплательщика к ответственности за нарушение налогового законодательства (ст. 122 НК РФ) – доначисление налога, пеней, взыскание штрафа от 20 % до 40 % от размера недоимки, также привлечение к административной ответственности за непредставление сведений для осуществления мероприятий налогового контроля, в рамках ст. 15.6, 15.11 КоАП РФ, а в случае, если размер недоимки крупный и особо крупный – привлечение к уголовной ответственности согласно ст. 198, 199 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) [9; 10].

Одним из способов получения необоснованной налоговой выгоды является дробление бизнеса, которое чаще всего носит формальный характер и преследует цель – снизить налоговое бремя налогоплательщика. Необходимо обратиться к правоприменительной практике в данной области, так согласно Письма ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@ за период с 2013 по 2017 гг. судами рассмотрено большое количество дел по оспариванию ненормативных актов налоговых инспекций в направлении получения налогоплательщиками необоснованной налоговой выгоды от дробления бизнес процессов общей суммой более двенадцати миллиардов рублей. Из анализа вышеуказанного письма ФНС РФ можно определить основные признаки, кото-

рые будут указывать на согласованность действий юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, направленных на разработку и реализацию схем дробления бизнеса с целью уклонения от исполнения налоговых обязательств.

Цель работы – рассмотреть дробление бизнеса, как один из основных способов получения налогоплательщиками необоснованной налоговой выгоды.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При рассмотрении Письма ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@ необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время в НПА нет четко определения понятия – дробление бизнеса. Если обратиться к нормам Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), то у юридических лиц есть право производить структурные преобразования, такие как реорганизация в форме разделения и выделения юридического лица [11].

Ни в одном нормативно-правовом документе не дано определения такому понятию, как «дробление бизнеса», при этом положениями гражданского законодательства никоим образом не запрещается юридическим лицам проводить структурные преобразования бизнеса, в ГК РФ предусмотрена совершенно законная процедура реорганизации в форме разделения или выделения организации. Как отмечалось выше основная цель дробления бизнеса юридическими лицами – необоснованное получение налоговой выгоды в результате снижения налоговых обязательств с созданием «искусственной схемы»: юридическое лицо применяет общий режим налогообложения, т. е. является в соответствии с главой 21 НК РФ плательщиком НДС, в соответствии с главой 25 НК РФ – плательщиком налога на прибыль, образует несколько юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые применяют один из специальных налоговых режимов, которые указаны в статье 18 НК РФ, как следствие обеспечивают возможность получения налоговых льгот и применения пониженных ставок налогообложения.

Анализ правоприменительной практики по доказыванию фактов получения необоснованной налоговой выгоды налогоплательщиками показал, что налоговые органы в ходе мероприятий налогового контроля выявляют умышленные действия налогоплательщиков по дроблению бизнеса, а также обстоятельства, свидетельствующие об этом [12; 13].

Так, в Письме ФНС России от 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650@ приведены методические рекомендации, данные налоговым органам и следственным органам СК РФ, которые позволяют установить факты, доказывающие умысел в действиях налогоплательщика по уклонению от уплаты налоговых платежей.

Об умышленных действиях налогоплательщика будет свидетельствовать то, что все «разделенные организации» в схеме дробления бизнеса имеют такие признаки, как: идентичный ОКВЭД; местонахождение по одному адресу, массовость юридического адреса; сотрудники одного юридического лица являются одновременно сотрудниками другого лица; одни производственные и управленческие площади; идентичные поставщики, подрядчики и покупатели; налоговый и бухгалтерский учет ведется одними лицами; документация по ведению финансово-хозяйственной деятельности хранится в одном

месте; используют единый сайт в интернете и один адрес для выхода в интернет; обслуживание в идентичных кредитных организациях; наличие аффилированности в искусственной схеме дробления бизнес процессов между юридическими и физическими лицами [14; 15].

Необходимо отметить, что при этом согласно анализу правоприменительной практики о формальном разделении бизнес процессов юридического лица свидетельствует только совокупность взаимосвязанных вышеуказанных обстоятельств [16].

Нормативно прописаны основные способы установления обстоятельств, свидетельствующих об умышленных действиях налогоплательщика такие как, осмотр помещения и территории; допрос сотрудников, а также их контрагентов; анализ информационных ресурсов, в том числе анализ банковских выписок; анализ бухгалтерских счетов и регистров по учету денежных средств, контрольно-кассовой техники, онлайн-касс; установление подчиненности должностных лиц; выявление наличия складских помещений, транспорта; проверка взаимозависимости юридических лиц; установление конечного выгодоприобретателя [17].

Налоговые органы выявляют подобные схемы, а затем доначисляют налоги, штрафы, а также пени – если налогоплательщик и его контрагенты применяют специальные налоговые режимы, то их признают взаимозависимыми, финансово-хозяйственную деятельность объединяют в одно целое и доначисляют налоговые платежи по общей системе налогообложения [18–20]. Необходимо отметить, что законные налоговые режимы и применение таковых нельзя ставить под сомнение до тех пор, пока формально не доказано налоговое правонарушение. Ведение предпринимательской деятельности в одном лице или в нескольких нигде не описано как состав правонарушения.

Обобщая вышеизложенное юридические лица, которые применяют в своей деятельности взаимозависимых, аффилированных и подконтрольных лиц должны, во-первых не производить действий или совокупность действий, которые направлены на совершение формального разделения и структурирования бизнеса, то есть четко выполнять критерии реальности осуществления финансово-хозяйственной деятельности; во-вторых иметь четко разработанную и обоснованную схему ведения бизнес процессов; в-третьих избегать рискованной налоговой оптимизации; в-четвертых руководствоваться главой 14.1 НК РФ «Взаимозависимые лица» НК РФ, уведомляя при это налоговые органы о наличии взаимозависимости и подконтрольности участников сделок, поскольку в результате применения «схемы дробления бизнеса» и не обоснования данного процесса налоговый орган правомерно докажет полученную необоснованную налоговую выгоду путем уменьшения соответствующей налоговой обязанности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

В процессе анализа применения НПА по вопросам получения необоснованной налоговой выгоды, а также арбитражной практики можно сделать вывод, что действия налогоплательщиков (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), направленные на формальное разделение бизнеса будут признаваться ФНС

РФ «схемой» получения необоснованной налоговой выгоды, если совокупность собранных доказательств, будет прямо указывать на взаимозависимость и подконтрольность лиц участвующих в схеме, а действия указанных лиц будут согласованными.

Для налогоплательщиков остается открытым вопрос – «как определить критерии формального дробления бизнеса», поскольку каждое юридическое лицо с позиции построения бизнес процессов уникально, то есть к конкретному юридическому образованию должна быть доказана субъективная совокупность взаимосвязанных и подконтрольных фактов осуществления финансово-хозяйственной деятельности. Также следует обратить внимание на практику рассмотрения налоговых споров по данному направлению в судебном порядке, поскольку в указанной практике будут описаны доказательства, приводимые налоговыми органами с целью подтверждения получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды при применении схемы дробления бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. 2018. М.: АСТ, 2018. 31 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая. М.: Статут, 2018. 414 с.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894/.
4. Приказ ФНС России от 08.05.2015 N ММВ-7-2/189 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180453/.
5. Письмо ФНС России от 17.07.2013 N АС-4-2/12837 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150126/.
6. Письмо ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256250/.
7. Письмо ФНС России от 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220597/.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 21 января 2018 года. М.: Эксмо, 2018. 189 с.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: по состоянию на 1 марта 2018 года. М.: АСТ, 2018. 636 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: постановительный комментарий. Изд. 7-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 736 с.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. М.: Статут, 2018. 831 с.
12. Колесникова Е.Н. Опасность налоговой оптимизации в виде дробления бизнеса // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2018. № 1. С. 32–36.
13. Новости судебной практики в области налогов, сборов, страховых взносов РФ // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2018. № 3. С. 17–20.
14. Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 N 506 «Об утверждении Положения о Федеральной

- налоговой службе» (ред. от 23.09.2017) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49673/.
15. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13 июля 2017 г. N 486 "Об утверждении Инструкции о порядке учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам в органах прокуратуры Российской Федерации» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281338/.
 16. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 7 июня 2006 г. N 29 «Об утверждении Временной инструкции о порядке учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в органах прокуратуры Российской Федерации» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84320/.
 17. Остроухова В.А., Костин А.В. Выемка документов и предметов как мероприятие налогового контроля // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. Т. 3. Тольятти: ВУиТ, 2018. С. 98–105.
 18. Блохина Н.А., Остроухова В.А. Основные подходы к оценке необоснованной налоговой выгоды, полученной налогоплательщиками // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 3. С. 40–47.
 19. Консультант-Плюс: справочно-правовая система.
URL: consultant.ru.
 20. Федеральный Арбитражный суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: arbitr.ru.
- REFERENCES**
1. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. 2018* [The Constitution of the Russian Federation. 2018]. Moscow, AST Publ., 2018. 31 p.
 2. *Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast pervaya* [Tax Code of the Russian Federation. Part one]. Moscow, Statut Publ., 2018. 414 p.
 3. The Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated the 12th of October 2006 No. 53 "Concerning the assessment by the arbitration courts of justification of obtaining tax benefit by a taxpayer". *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894/.
 4. Order of the Federal Tax Service of Russia of 08.05.2015 N MMV-7-2/189. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180453/.
 5. Letter of the Federal Tax Service of Russia of 17.07.2013 N AS-4-2/12837. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150126/.
 6. Letter of the Federal Tax Service of Russia of August 11, 2017 N CA-4-7/15895. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256250/.
 7. Letter of the Federal Tax Service of Russia of 13.07.2017 N ED-4-2/13650. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220597/.
 8. *Arbitrazhnyy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 21 yanvarya 2018 goda* [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: as amended and supplemented as of the 21st of January 2018]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 189 p.
 9. *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: po sostoyaniyu na 1 marta 2018 goda* [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: as of the 1st of March 2018]. Moscow, AST Publ., 2018. 636 p.
 10. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: postateynnyy kommentariy* [The Criminal Code of the Russian Federation: paragraph-to-paragraph commentary]. Izd. 7th, pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 736 p.
 11. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, Statut Publ., 2018. Ch. 1, 831 p.
 12. Kolesnikova E.N. The danger of tax optimization in the form of split of business. *Finansovyy vestnik: finansy, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskiy uchet*, 2018, no. 1, pp. 32–36.
 13. The news of judicial practice in the sphere of taxes, charges, insurance payment of the Russian Federation. *Finansovye i bukhgalterskie konsultatsii*, 2018, no. 3, pp. 17–20.
 14. RF Government Decree dated the 30th of September 2004 No. 506 "About the approval of Regulations on Federal Tax Service" (ed. dated the 23rd of September 2017). *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49673/.
 15. The Order of the RF Procurator General dated the 13th of July 2017 No. 486 "About the approval of Policy and procedure of recording, keeping and transfer of material evidence for criminal cases in the prosecution authorities of the Russian Federation". *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281338/.
 16. The Order of the RF Procurator General dated the 7th of June 2006 No.29 "About the Approval of Temporary policy and procedure of recording, keeping and transfer of material evidence, things of value and other property for criminal cases in the prosecution authorities of the Russian Federation". *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84320/.
 17. Ostroukhova V.A., Kostin A.V. Seizure of documents and things as the tax control measures. *Tatishchevskie chteniya: aktualnye problemy nauki i praktiki: sbornik materialov XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tolyatti, VUiT Publ., 2018. Vol. 3, pp. 98–105.
 18. Blokhina N.A., Ostroukhova V.A. The main approaches to assessing the unreasonable tax benefit received by taxpayers. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2018, vol. 1, no. 3, pp. 40–47.
 19. Consultant-Plus: reference and legal system. URL: consultant.ru.
 20. Federal Arbitration Court of the Russian Federation: official website. URL: arbitr.ru.

**SPLIT OF BUSINESS AS ONE OF THE WAYS OF OBTAINING UNJUSTIFIED
TAX BENEFIT BY TAXPAYERS**

© 2018

V.A. Ostroukhova, Senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”
of the Institute of Law, Class 3 Advisor of the State Civil Service of the RF
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: taxation authorities; unjustified tax benefit; split of business; characteristic features of split of business.

Abstract: The paper deals with the consideration of one of the main ways of obtaining an unjustified tax benefit by taxpayers – the split of business. The issue under consideration is not fully developed in the current tax legislation. To develop the concept of “split of business”, the author gives the assessment to the law-enforcement and law expository precedents taking into account the new legislative approaches in tax practice.

The research paper analyzes the methodological recommendations of the Investigation Committee of the Russian Federation and Federal Tax Service of the Russian Federation, which is aimed at the study and the proof of facts of intended nonpayment or underpayment of sums of taxes and charges. The author considers the main directions of identification by the taxation authorities of obtaining tax payment savings by taxpayers with the help of the creation of the “artificial” situation – split of business.

Special attention is paid to the review of legal practice on the proof of facts of obtaining an unjustified tax benefit by taxpayers.

The author systematizes and considers the plan of actions of legal entities which allow the controlling authorities representatives to build an evidence base indicating that the dividing of an organization into several other legal entities is just an artificially developed scheme – “split of business”.

The results of the study can be used in the theoretical research covering the analysis of content and essence of the rights and responsibilities of taxpayers and for the development of tax policy of legal entities and individual entrepreneurs.

The work carried out allows identifying the main problems in the sphere of application of schemes with the business processes separation by taxpayers and suggesting the variants of their solution.

КОММЕРЧЕСКИЕ СПОРЫ И ПОРЯДОК ИХ РАССМОТРЕНИЯ

© 2018

Ю.А. Полякова, преподаватель кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: коммерческие споры; предприниматели; субъекты экономических отношений; сфера предпринимательских отношений; порядок защиты.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению коммерческого спора, его элементов и особенностей, которые не раскрыты либо недостаточно раскрыты в современном российском законодательстве. Актуальность темы исследования обусловлена не только экономической значимостью такого явления как коммерческие споры, как основной формы взаимодействия предпринимателей друг с другом и государственными органами, но и сложностью и объемом законодательства о порядке и процедуре разрешения таких споров. Цель исследования – рассмотрение вопросов разрешения коммерческих споров между хозяйствующими субъектами посредством процедур мирного урегулирования, а также посредством обращения в судебные органы за защитой своих нарушенных прав и законных интересов.

Дается определение понятию «коммерческий спор», предпринимается попытка разграничения понятий «предприниматель», «субъекты экономических отношений», а также попытка определения верной терминологии. Анализируются подходы к пониманию порядка подготовки претензии, искового заявления, а также процедур примирения. Рассматриваются признаки коммерческих споров, их классификация, порядок согласования разногласий.

В статье предлагается более подробно рассмотреть процедуры мирного урегулирования спорных отношений между предпринимателями (переговоры, медиация, мировое соглашение, направление претензии), порядок судебного рассмотрения коммерческого спора.

Проанализирована судебная практика арбитражных судов РФ, чтобы показать насколько возрос поток обращений юридических лиц в судебные органы по разрешению конфликтных ситуаций в самых различных сферах хозяйственной деятельности.

В данной статье собраны варианты рассмотрения коммерческих споров, а также показан порядок действий контрагентов друг с другом, чтобы избежать таких споров.

ВВЕДЕНИЕ

Под термином «коммерческие споры» понимаются споры, возникающие между предпринимателями – юридическими лицами и гражданами-предпринимателями. Другими словами, это разногласия, возникающие между хозяйствующими субъектами в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

Согласно пункту 3 статьи 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу пункта 4 статьи 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения [1].

Учитывая, что отношения между предпринимателями регулируются кроме прочих отраслей права гражданским правом, коммерческие споры между предпринимателями – это всегда споры, вытекающие из гражданских правоотношений. Иными словами, экономические или коммерческие споры – это споры между предпринимателями – субъектами экономических отношений, не урегулированные мирным путем по вопросу их прав, законных интересов и обязанностей в сфере предпринимательских отношений. Юридические и физические лица спорят между собой, с государственными и муниципальными органами и международными контрагентами. Необратимый процесс глобализации изменяет привычную практику сотрудничества и торговых отношений внутри стран на расширение международных торговых связей частного сектора [2]. Деловое и торгово-экономическое сотрудничество России и остальных стран развивается быстрыми темпами [3].

Однако, все же можно отметить несколько видов экономических споров:

– споры, возникающие из договорных отношений, так называемые споры о правах и обязанностях сторон, возникающих из заключенных оговоров. Эта группа споров наиболее распространена в гражданском обороте, поскольку основная масса споров возникает именно из договорных правоотношений;

– преддоговорные споры, возникающие в связи с заключением договора или по содержанию договора. Такие споры могут возникнуть, если только стороны договорились передать свой спор на рассмотрение юрисдикционного органа или заключение такого договора обязательно для сторон. Данные споры – это немногочисленная категория, поскольку гражданским законодательством предусмотрена свобода при заключении договора, следовательно, любая из сторон вправе отказаться от заключения договора, если ее что не устраивает в его содержании.

– последней группой споров можно отметить внедоговорные споры. «Предмет спора по такому условию заключается не в содержании договора и не в условиях его заключения. ФК подобного рода спорам относят споры о праве собственности, о защите деловой репутации, о товарных знаках и патентах» [4, с. 72]. Не последнюю роль в подготовке материалов для разрешения коммерческого спора играет оценка рисков предпринимательской деятельности в целом [4; 5].

Положения действующего законодательства направлены на более безболезненное урегулирование конфликтов, возникающих между предпринимателями, что свидетельствует о растущей правовой грамотности среды населения.

Цель работы – рассмотрение вопросов разрешения коммерческих споров между хозяйствующими субъектами посредством процедур мирного урегулирования, а также посредством обращения в судебные органы за защитой своих нарушенных прав и законных интересов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Коммерческие споры могут рассматриваться в судебном (общем) или административном (специальном) порядке. Использование административного порядка защиты предполагает обращение субъекта защиты с жалобой на действия или бездействия государственных органов и (или) должностных лиц, а также на акты государственных органов и должностных лиц в вышестоящий орган власти. Согласно п. 2 ст. 11 ГК РФ защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом [6]. Решение, принятое в административном порядке, может быть оспорено в суде. К таким решениям относятся решения, в том числе вынесенные в соответствии с налоговым законодательством РФ [7; 8]. На основании изложенного, можно сделать вывод, что применение административного (специального) порядка допускается как исключение из общего правила судопроизводства и только в предусмотренных в законе случаях.

Что касается судебного порядка защиты, то согласно п. 1 ст. 11 ГК РФ защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, в том числе гражданским процессуальным [9] суд, арбитражный суд или третейский суд. Для того, чтобы преодолеть конфликт или проблему, возникшую в коммерческой среде предприниматели могут воспользоваться различными способами. Самыми частыми способами являются такие как переговоры, рассмотрение претензий и судебное разбирательство – судебное или третейское. Необходимо остановиться на каждом способе подробно, чтобы понять суть коммерческого спора в целом.

Во время переговоров стороны, у которых возникли противоречия, должны мирно обсудить разногласия и привести какие-либо юридические доказательства или аргументы для разрешения спорной ситуации и принятия наиболее приемлемого для сторон решения. Под переговорами принято понимать формирование у сторон определенной позиции на решение спорного вопроса. Действующее законодательство не регулирует процедуру переговоров. На практике стороны часто прибегают к подобной процедуре поскольку она удобна, быстра, малозатратна. Обычно в переговорах принимают участие две спорящих стороны, однако любой из сторон к переговорам может быть привлечен третий участник – независимая сторона по данному спору. Переговоры среди предпринимателей могут проводиться посредством различных средств связи, таких как скайп, телефон, интернет, факс и прочее. Однако, многим предпочтительнее способ личного непосредственного общения. Все же переговорам посвящена одна статья гражданского законодательства – ст. 431 ГК, которая говорит, что «переговоры проводятся практически всегда в устной форме» [10].

Письменные переговоры именуется действующим законодательством перепиской. Основной документ,

который может родиться в ходе такой переписки – это претензия. Претензия – это письменное обращение любой из сторон спора с каким-либо требованиями к другой стороне. Это может быть обращение о своевременной поставке товара, оплате оказанной услуги, возмещении убытков, в том числе возмещения вреда юридическому лицу, выразившемуся в собственно умалении деловой репутации, расходах, связанных с таким умалением, и упущенной выгоде и т. п. [11, с. 118–120].

Субъектом защиты признается лицо, чье право и законный интерес нарушены. Отношения, возникающие между предпринимателями и юридическими лицами, в отношении заключенных договоров, регулируются Гражданским кодексом РФ (часть вторая). Статья 48 ГК РФ дает понятие юридического лица, согласно которому это организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. К организациям, в первую очередь, относятся общества с ограниченной ответственностью [12], акционерные общества.

Кроме того, в последнее время, в связи с развитием экономики страны и выхода государства на новый уровень предпринимательских отношений, споры стали возникать и в контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Как отмечает К.С. Калининко, основной массив рассмотренных арбитражными судами дел, связанных с применением ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», касается споров в отношении требований, устанавливаемых заказчиками в документации к торгам, и, как следствие, правомерности отказа претендентам в допуске к участию в размещении заказа, а также споров по поводу исполнения государственных контрактов [13]. Также наибольшую популярность приобрели споры, связанные с выполнением подрядных работ в строительстве. В основном это касается сроков выполнения работ [14].

При рассмотрении спора между предпринимателями претензионный порядок может быть применен в двух случаях – когда претензионный порядок предусмотрен действующим законодательством РФ, и, когда претензионный порядок предусмотрен действующим законодательством РФ или договором.

Данное положение закреплено в Арбитражном процессуальном кодексе РФ. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 4 АПК РФ, «если ФЗ установлен для определенной категории споров досудебный (претензионный) порядок урегулирования либо он предусмотрен договором, спор может быть передан на рассмотрение арбитражного суда лишь после соблюдения такого порядка» [15].

Например, в договоре между предпринимателями претензионным порядок чаще всего устанавливается следующим образом: он может быть установлен в отношении абсолютно всех видов споров, которые вытекают из существа данного договора либо может быть применительно только определенной категории споров, вытекающих их договора. Условие о претензионном порядке, согласно нормам гражданского законодательства, не является обязательным условием

предпринимательского договора, поэтому может и не содержаться в таком договоре.

В договоре поставки, например, стороны могут согласовать такую формулировку оформления претензионного порядка: «По всем спорам вытекающим из настоящего договора стороны договорились считать срок рассмотрения претензий, направленных любой из сторон, 10 дней с даты ее направления». Данная формулировка применима к первому варианту установленного претензионного порядка. Ко второму варианту можно отнести, например, такую – «По спорам, связанным с претензиями к Поставщику, срок рассмотрения претензии составляет 30 дней с момента ее получения Поставщиком». Само предъявление претензии может быть установлено только для одной из сторон в договоре Поставщику. Следовательно, контрагенты могли сами решать, хотят ли они закреплять досудебный порядок урегулирования возникшего спора, (исключением являются обязательные, установленные законодательством случаи), или же они согласны, что каждая из сторон в случае спора может неотлагательно обратиться в суд [14; 16; 17;].

В претензии должны быть четко определены требования и нормы закона и договора, на которые ссылается лицо, направившее претензию, а также реквизиты самого лица, доказательства, которые могут подтвердить факт допущенного нарушения и наступившие или могущие наступить негативные последствия. Так, например, по спорам, связанным с арендой земельных участков нарушенное право на земельный участок подлежит восстановлению в судебном порядке после направления досудебной претензии [14; 16; 17]. Претензия должна быть подписана уполномоченным лицом и поставлена печать предприятия. Хотя в настоящее время печать не является обязательным реквизитом юридического лица.

Получив претензию, контрагент должен рассмотреть ее и дать письменный ответ в течение времени, указанного в претензии либо в течение срока, установленного гражданским законодательством – 30 дней с даты ее получения. В случае отклонения претензии или оставления претензии без ответа контрагентом в установленные в претензии или законе сроки, лицо, подавшее претензию, вправе обратиться за защитой своих прав и законных интересов в суд.

«Все альтернативные способы разрешения споров можно объединить по признаку, который играет решающую роль при выборе таковых вместо обращения в государственные суды: функции третейского судьи (арбитра, медиатора) в таких процедурах исполняет лицо, которое не зависит от государства и от воли государства. Такое лицо по общему правилу назначается самими сторонами спора, а если сторонам не удастся прийти к взаимному согласию о личности такого лица, то применяется определенная процедура его выбора» [18]. Кроме того, в настоящее время судебная практика подтверждает и создает прецеденты в отношении возмещения убытков, возмещения имущественных потерь ответственности за недобросовестное ведение переговоров, принуждения к исполнению обязательства в натуре, судебной неустойки (астрент), процентов за пользование чужими денежными средствами, неустойки [19].

Арбитражный процессуальный кодекс РФ определяет правовые основы арбитражного судопроизводства.

Общие принципы подачи искового заявления состоят в следующем. Для начала необходимо определиться с подведомственностью спора арбитражному суду либо какому-то другому суду (ст. 27-32 АПК РФ). После того, как спорщики выяснили, что спор подведомствен арбитражному суду, определяется каким именно судом будет рассматриваться коммерческий спор. Согласно гражданского законодательства споры между сторонами рассматриваются в арбитражном суде по месту нахождения ответчика, т. е. виновного лица. Однако положениями договора стороны могут согласовать другую подсудность. Например, споры могут рассматриваться по месту нахождения истца – подателя иска, или выбрать совершенно другой суд, расположенный на одинаковом удалении от сторон, если стороны находятся в различных регионах РФ. Но чаще всего стороны, все-таки останавливаются на положениях гражданского законодательства. Кроме подсудности стороны могут определить в договоре, каким образом распределяются судебные расходы, такие как оплаченная стороной, подавшей иск, государственная пошлина (ч. 4 ст. 110 АПК РФ).

Исковое заявление обязательно к подаче в письменном виде, с обязательной подписью истца или его представителя. В случае подписания иска представителем истца, к иску прикладывается доверенность, подтверждающая полномочия представителя на подписание подобного рода документов. Кроме того, обязательным документом, прилагаемым к исковому заявлению, является документ, подтверждающий оплату государственной пошлины, а также документы, подтверждающие требования, указанные в искомом заявлении, в том числе, претензия (п. 3 ст. 125 АПК РФ).

Когда все документы собраны, государственная пошлина оплачена, иск написан, документы подаются в арбитражный суд. Подать документы можно лично через канцелярию суда либо посредством подачи документов через электронный арбитраж. Подача искового заявления в суд, а также ведение дела в самом суде предполагает затраты, т. е. судебные расходы. Обобщенный анализ судебной практики и положений АПК РФ позволяет выделить следующие виды расходов:

- общие расходы, без которых не обойдется ни одно судебное разбирательство, например, государственная пошлина;

- дополнительные расходы, которые возможно и не понадобятся, но запланировать которые необходимо участникам процесса – выплаты экспертам, специалистам, переводчикам; расходы по проведению экспертизы и т. п.);

- сопутствующие расходы, возникающие по ходу судебного производства, такие как расходы на оплату услуг представителей.

Что касается применения обеспечительных мер, то необходимость осуществления данного мероприятия возникает тогда, когда имеется реальная угроза того, что лицо, нарушившее права и законные интересы, будет в дальнейшем действовать со злым умыслом, или при принятии положительного решения по делу создастся невозможность последующего исполнения данного решения. В соответствии с ч. 1 ст. 90 АПК РФ «обеспечительные меры это срочные временные меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя». Обеспечительные меры применяются

судом по ходатайству лица, участвующего в процессе, на любой стадии судебного процесса, а именно:

- в соответствии с ч. 2 ст. 90 АПК РФ допустимы на любой стадии арбитражного процесса;

- в соответствии п. 1 ст. 99 АПК РФ предварительные обеспечительные меры, направленные на обеспечение имущественных интересов заявителя принимаются судом до предъявления иска;

- в соответствии ст. 100 АПК РФ обеспечительные меры применяются при обеспечении исполнения судебных актов.

Для того, чтобы суд применил обеспечительные меры в производстве, необходимо предоставить аргументированные доводы и доказательства обоснованности опасения лица, права которого нарушены в отношении невозможности или затруднении исполнения судебного решения. Однако, даже при наличии, доказательств такой невозможности, решение о принятии обеспечительных мер в любом случае остается за судом.

Итогом рассмотрения любого коммерческого спора является принятие судом решения. Порядок принятия итоговых документов – решений в арбитражном процессе или третейском суде не имеет принципиальных отличий. Этому посвящена глава 20 АПК РФ.

Для того, чтобы урегулировать коммерческий спор во внесудебном порядке сторонами может быть привлечен медиатор – посредник. Процедуру примирения (медиацию) обычно ставят в противовес судебной процедуре. Медиация способствует, при правильном ее применении, урегулированию спора путем переговоров между сторонами с помощью посредника или другим способом обеспечения коммуникации. Медиация, как понятие появилось в Российской Федерации относительно недавно в связи с принятием 27 июля 2010 года Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) [20]. Сама факт принятия такого закона говорит о том, что примирительные процедуры, направленные на урегулирование спора между предпринимателями во внесудебном порядке являются приоритетным направлением развития экономических отношений в сфере предпринимательской деятельности, а также механизма урегулирования коммерческих споров.

Различают два вида медиации – досудебная и судебная. Досудебная медиация в свою очередь подразделяется на две процедуры:

1. Досудебная медиация – это процедура, которая может быть двух видов:

- медиация, установленная Законом о медиации по определенным категориям споров, только в тех случаях, когда сторонам предписано урегулировать спор с помощью процедуры медиации до обращения в суд или хотя бы попытаться это сделать;

- медиация, которую стороны сами предусмотрели в своем договоре (медиативная оговорка) по аналогии с третейской оговоркой.

2. Медиативная оговорка – это соглашение сторон о применении процедуры медиации, заключенное до возникновения спора или споров между ними (п. 5 ст. 2 Закона о медиации). Основной договор при этом должен быть заключен в письменной форме (ч. 1 ст. 7 Закона о медиации). Факт включения в договор медиатив-

ной оговорки позволяет сделать вывод о намерении сторон урегулировать конфликт мирным способом. Поэтому досудебная медиация позволяет сторонам самим принимать решение о форме урегулирования возникших после подписания разногласий между сторонами, имея в договоре медиативную оговорку.

Возможно, досудебную медиацию необходимо провести на законодательном уровне как претензионный порядок, являющийся обязательным порядком досудебного урегулирования спора по большинству гражданско-правовых споров. Что касается судебной медиации, то, как мы понимаем, из термина, она применяется уже в рамках судебного процесса и совершается по совету или предложению суда уже после того, как спор между сторонами рассматривается в судебном порядке. Судье отводится значительная роль в примирении сторон до начала судебного слушания. Согласно статье 138 АПК РФ предписано, что суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора. Итогом рассмотрения является принятие судом решения.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Подведем итоги. Во-первых, стоит подчеркнуть очевидность различий между различными видами коммерческих споров. В разных отраслях предпринимательской деятельности существуют свои принципы ведения дел, правовые проблемы и риски. Но общим подходом для всех, позволяющим избежать правовых споров, можно назвать грамотное, юридически точное оформление сделок. Любая договоренность должна быть закреплена посредством договора, подписанного обеими сторонами. Первичные документы, на которых основывается выполнение обязательств по договору: накладные, акты, финансовые, транспортные документы, являются важной частью отношений сторон, которая вносит дополнительную ясность в процесс исполнения договора. Аккуратность, точность оформления и своевременность составления этих документов снимают многие возможные проблемы между хозяйствующими субъектами. При возникновении спора или ситуации, способной привести к спору, стороны обращаются к подписанному договору и основываются его положения при доказательстве своей правоты. Если контрагенты по договору не приходят к соглашению, которое удовлетворит обе стороны, они обращаются в арбитражный суд, который является ключевой инстанцией системы разрешения коммерческих споров.

Во-вторых, любой конфликт между сторонами-участниками экономических отношений предпочтительнее разрешать во внесудебном порядке, поскольку худой мир, лучше доброй ссоры. С целью примирения оппонентов действующим законодательством предлагается возможность выбора способа урегулирования споров, в том числе процедура медиации либо заключение мирового соглашения на любой стадии рассмотрения дела.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что прежде, чем выходить в суд с иском заявлением о разрешении спора, предпринимателям необходимо еще раз пересмотреть все плюсы и минусы делового сотрудничества друг с другом, поскольку судебное решение всегда выносится в пользу только одной стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140. 30 июня.
2. Правила арбитража международных коммерческих споров: приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 N 6 (Документ опубликован не был) // Центр арбитража и посредничества. URL: adr.tpprf.ru/.
3. Беликова К.М. Порядок досудебного (в том числе квазисудебного) урегулирования споров в странах БРИКС: общие подходы и вехи развития // Законодательство и экономика. 2016. № 4. С. 49–61.
4. Защита гражданских прав: избранные аспекты / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2017. 432 с.
5. Савкина М.А. Проблемы определения обоснованного риска в предпринимательской деятельности как обстоятельства, исключающего преступность деяния // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 64–66.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 N 51-ФЗ: ред. от 29.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017 // Российская газета. 1994. № 238-239. 08 декабря.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): от 31.07.1998 N 146-ФЗ: ред. от 18.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017 // Российская газета. 1998. № 148-149. 06 августа.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 05.08.2000 N 117-ФЗ: ред. от 30.10.2017 // Парламентская газета. 2000. № 151-152. 10 августа.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ: ред. от 29.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26.01.1996 N 14-ФЗ: ред. от 28.03.2017 // Российская газета. 1996. № 23. 06 февраля; № 24. 07 февраля; № 25. 08 февраля; № 27. 10 февраля.
11. Скловский К.И. Повседневная цивилистика. М.: Статут, 2017. 288 с.
12. РФ. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»: ред. от 29.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017 // Российская газета. 1998. № 30. 17 февраля.
13. Калининченко К.С. О некоторых вопросах применения Федерального закона от 05.04.13 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Арбитражные споры. 2016. № 3. С. 17–48; № 4. С. 15–46.
14. Михляева А. Сроки строительства: споры по их нарушению // Жилищное право. 2017. № 6. С. 83–94.
15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ: ред. от 29.07.2017 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
16. Буркова А.Ю. Коммерческие договоры: досудебное урегулирование споров // Вестник арбитражной практики. 2016. № 4. С. 47–50.
17. Мариновская В. Коммерческие споры по договорам аренды земельного участка // Жилищное право. 2016. № 11. С. 57–65.
18. Бойченко А.Н. Разрешение споров в современном коммерческом обороте: проблема использования терминов «арбитраж» и «арбитражный суд» в контексте действующего российского законодательства // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 157–165.
19. Разъяснения Верховного Суда РФ об ответственности за нарушение обязательств // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/.
20. РФ. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»: ред. от 23.07.2013: с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013 // Российская газета. 2010. № 168. 30 июля.

REFERENCES

1. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 N 25 “About application by courts of some provisions of the section I of part one of the Civil code of the Russian Federation”. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, no. 140, 30 June.
2. Rules of arbitration of international commercial disputes: appendix 2 to the RF CCI order of 11.01.2017 N 6 (The document was not published). *Tsentralnaya arbitrazhaya i posrednicheskaya URL: adr.tpprf.ru/*.
3. Belikova K.M. Out-of-court (quasi-judicial) dispute settlement in BRICS countries: common approaches and milestones. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2016, no. 4, pp. 49–61.
4. Rozhkova M.A., ed. *Zashchita grazhdanskikh prav: izbrannye aspekty* [Protection of civil rights: selected aspects: collection of articles]. Moscow, Statut Publ., 2017. 432 p.
5. Savkina M.A. The problem of determination of reasonable risk in entrepreneurial activity as circumstances precluding criminality. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2015, no. 6, pp. 64–66.
6. Civil Code of the Russian Federation (part one): dated the 30th of November 1994 N 51-FZ: edition dated the 29th of July 2017: as amended effective of the 06th of August 2017. *Rossiyskaya gazeta*, 1994, no. 238-239, 08 December.
7. Tax Code of the Russian Federation (part one): dated the 31st of July 1998 N 146-FZ: edition dated the 18th of July 2017: as amended effective of the 01st of October 2017. *Rossiyskaya gazeta*, 1998, no. 148-149, 06 August.
8. Tax Code of the Russian Federation (part two): dated the 05th of August 2000 N 117-FZ: edition dated the 30th of October 2017. *Parlamentskaya gazeta*, 2000, no. 151-152, 10 August.
9. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated the 14th of November 2002 N 138-FZ: edition dated the 29th of July 2017: as amended effective of the 10th of August 2017. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2002, no. 46, st. 4532.
10. Civil Code of the Russian Federation (part two): dated the 26th of January 1996 N 14-FZ: edition dated the 28th of March 2017. *Rossiyskaya gazeta*, 1996,

- no. 23, 06 February; no. 24, 07 February; no. 25, 08 February; no. 27, 10 February.
11. Sklovskiy K.I. *Povsednevnyaya tsivilistika* [Everyday civil law]. Moscow, Statut Publ., 2017. 288 p.
 12. RF. Federal law dated the 08th of February 1998 N 14-FZ “On limited liability companies”: edition dated the 29th of July 2017: as amended effective of the 01st of September 2017. *Rossiyskaya gazeta*, 1998, no. 30, 17 February.
 13. Kalinichenko K.S. About some questions of application of the Federal law of 05.04.13 N 44-FZ “About contract system in the sphere of purchases of goods, works, services for ensuring the state and municipal needs”. *Arbitrazhnye spory*, 2016, no. 3, pp. 17–48; no. 4, pp. 15–46.
 14. Mikhlyayeva A. Terms of construction: disputes on their violation. *Zhilishchnoe pravo*, 2017, no. 6, pp. 83–94.
 15. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated the 24th of July 2002 N 95-FZ: edition dated the 29th of July 2017. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2002, no. 30, st. 3012.
 16. Burkova A.Yu. Commercial contracts: conflict resolution. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2016, no. 4, pp. 47–50.
 17. Marinovskaya V. Commercial disputes on land lease agreements. *Zhilishchnoe pravo*, 2016, no. 11, pp. 57–65.
 18. Boychenko A.N. Dispute Resolution in Modern Stream of Commerce: the Problem of Using of the Terms “Arbitration” and “Arbitration Court” in the Context of Existing Russian Legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2016, no. 10, pp. 157–165.
 19. Explanation of the Supreme Court of the Russian Federation on liability for breach of obligations. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/.
 20. RF. Federal law dated the 27th of July 2010 N 193-FZ “On alternative procedure of dispute resolution with participation of a mediator (mediation procedure)”: edition dated the 23rd of July 2013: as amended effective of the 01st of September 2013. *Rossiyskaya gazeta*, 2010, no. 168, 30 July.

COMMERCIAL DISPUTES AND THE PROCEDURE FOR THEIR CONSIDERATION

© 2018

Yu.A. Polyakova, lecturer of Chair “Business and Labour Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: commercial disputes; entrepreneurs; subjects of economic relations; sphere of business relations; defense procedure.

Abstract: The paper covers the study of a commercial dispute, its elements, and features that are not explored or insufficiently explored in the modern Russian legislation. The relevance of the research is caused both by the economic significance of the phenomenon of the commercial disputes as the main form of interaction of the entrepreneurs between each other and the state authorities and by the complex and voluminous laws on the order and procedure for such disputes consideration. The goal of the study is to consider the issues of resolution of the commercial disputes between the economic entities through the peaceful settlement procedures as well as through the appealing to the judicial authorities for the defense of violated rights and legal interests.

The author gives the definition of the concept of “commercial dispute”, makes an attempt to distinguish between the concepts of “entrepreneur”, “subjects of economic relations”, as well as an attempt to determine the correct terminology. The approaches to the understanding of the procedure for preparing a claim, a statement of claim, and the conciliation procedures are analyzed. The features of commercial disputes, their classification, and the order of coordination of disagreements are considered.

The paper proposes to consider in more detail the procedures for the peaceful settlement of disputes between the entrepreneurs (negotiations, mediation, settlement agreement, and issuing a claim), the procedure for the judicial consideration of a commercial dispute.

The author analyzed the judicial practice of arbitration courts of the Russian Federation to show how the flow of legal entities’ appeals to the judicial authorities for the conflict situations resolution in a variety of areas of economic activity increased.

The paper contains the options of the commercial disputes consideration and shows the procedure for the contractors to interact with each other to avoid such disputes.

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1917–1918 ГОДАХ

© 2018

И.А. Прохоренко, кандидат исторических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: советское законодательство; антирелигиозная политика; ограничение прав; декрет о свободе совести; церковные институты.

Аннотация: Законодательное регулирование отношений государства с различными институтами общественной жизни в первые годы существования Советской власти представляет несомненный интерес для совершенствования правовой политики и в настоящее время. В данной статье проводится анализ первых нормативно-правовых актов советской власти, регулирующих роль религии и церковных институтов в новом государстве. Статья содержит проблемно-хронологический анализ литературы, посвященной данной проблеме. Отмечаются недостаточно исследованные области, касающиеся законодательства Советского правительства по вопросам о культе. В частности, отмечается необходимость более тщательного изучения эволюции механизмов нормативно-правового давления на церковные институты в первые годы существования Советской власти. В статье последовательно раскрываются шаги, предпринимаемые советским государством, по ограничению роли церкви в жизни общества. Отмечается, что уже в первом основополагающем законе нового государства, вошедшем в историю как декрет о земле, церковь лишается большей части своего имущества. Это является началом подрыва ее экономического положения. В статье раскрывается каким образом в первых законодательных актах церковь теряет все источники своего финансового благосостояния, а затем утрачивает право собственности вообще на любое движимое и недвижимое имущество. В статье также отмечаются нормативно-правовые акты, лишавшие церковь ее идеологического влияния на общество, изымающие из ее ведения образование и регистрацию актов гражданского состояния. Говорится об ограничении прав духовенства и членов их семей, в том числе лишении избирательных прав и права на социальное обеспечение. Выделено постепенное усиление давления на церковь, духовенство и верующих с помощью законодательной политики. Выявлена роль законодательства в последовательном следовании курсом на построение атеистического государства, в котором нет места религиозному мировоззрению.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения, произошедшие в нашей стране в первой четверти XX века, насыщены драматическими событиями. В результате Октябрьской революции произошла замена все существовавших ранее политических, экономических, культурных и повседневных традиций российского общества. Одним из наиболее ярких моментов в истории этого периода является борьба советского государства с религией и церковью, объявленных мракобесием, контрреволюцией или просто пережитком прошлого. Правительство Советской России взяло курс на полное искоренение религии и религиозного мировоззрения, так как они не соответствовали марксистско-ленинской идеологии и делу построения социалистического, а впоследствии и коммунистического общества.

Исследование антирелигиозной кампании позволяет выяснить сложность и неоднозначность процессов, связанных с внедрением атеистического мировоззрения, в период коренной перестройки государства общества и вызванных этим социальных потрясений. Исследование законодательной базы антирелигиозной политики позволяет выявить основные принципы и методы государственной политики в идеологической сфере и просвещении, и воспитании новых поколений.

В отечественной науке существует огромный опыт в изучении проблемы взаимоотношения государства и общества в период проведения антирелигиозной кампании. Однако оценка нормативно-правовой базы и всех усилий государства по насаждению атеизма связана как с развитием гуманитарного знания в целом, так и политической ситуацией в нашей стране, в частности. В зависимости от этого историографию данной проблемы

принято делить на два больших блока: советские и постсоветские исследования.

В советских исследованиях господствовала официальная марксистско-ленинская идеология, а также отражалась линия правящей партии. Исследования двадцатых – тридцатых годов XX века отличаются прикладным характером и значительной тенденциозностью. Главной задачей этих работ было доказать, что религия – это пережиток прошлого, а религиозные деятели так или иначе связаны с контрреволюцией [1–3].

Во время Великой Отечественной войны отношения к церкви со стороны советского государства несколько изменились, что нашло отражение в ослаблении изучения проблемы антицерковной политики и ее законодательной базы.

В 50-е годы XX века ситуация вновь меняется, усиливается атеистическая пропаганда, и как следствие этого, вновь появляются работы, посвященные анализу взаимоотношений советской власти и церкви [4; 5]. Работы этого периода опять приобретают откровенно пропагандистский характер [6]. Исследования 1960–1980-х годов продолжали эту традицию, хотя в научный оборот было введено немало новых фактов [7–9].

В последней четверти XX века в России произошли изменения, которые позволили исследователям переосмыслить государственно-правовую политику советской власти в отношении церкви и объективно ее оценить [10–12]. В результате этого появились качественно новые работы, в которых переосмысливались взаимоотношения советского государства и церкви. В работах освещались репрессии против церкви и духовенства, выразившиеся в национализации церковного имущества

и ограничении, и лишении духовенства прав. Предприняты попытки связать социально-экономические процессы, происходившие в стране, с развитием законодательной базы [13–15]. Однако необходимо более тщательное изучение начального этапа законодательного регулирования политики советского государства по отношению к церкви и изучение причин, обусловивших видоизменение нормативно-правового законодательства на протяжении 1917–1918 годов.

Проблема законодательного регулирования отношений государства и церкви является актуальной и наше время, на наш взгляд, взвешенная, продуманная политика государственной власти по отношению к церковным институтам и религиозным и атеистическим убеждениям граждан, способствует стабилизации социальной ситуации в любом обществе.

Цель исследования – изучение становления советского антирелигиозного законодательства с применением проблемно-хронологического и сопоставительного методов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Советское государство с момента своего рождения взяло курс на построение атеистического общества, в котором не будет места Церкви как институту и религиозным взглядам как пережитку прошлого, проявлению отсталости и забитости. В соответствии с этим курсом первый удар по церкви был нанесен уже в декрете о земле от 8 ноября 1917 года, согласно которому церковь теряла право собственности на свои земельные владения, переходившие к государству [16].

Согласно постановлению «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение комиссариата по народному образованию» церковь утрачивала права собственности на все здания, земельные участки, библиотеки, ценности, деньги, которые изымались вместе со всеми школами, училищами, семинариями и т. п. [17]. Это был следующий шаг, подрывающий материальные и идеологические основы положения церкви в России. А декрет СНК от 18 декабря 1917 года отстранил церковь от регистрации актов гражданского состояния: рождения, смерти, заключения брака [18]. Также этот декрет запретил препятствовать хоронить покойных на кладбищах по обряду гражданских похорон, т. е. без участия служителей различных конфессий. По «Положению о социальном обеспечении трудящихся» священнослужители все культов оставались без социальной помощи, так как не относились к категории лиц, которые получают доходы только собственным трудом не эксплуатируя труд других лиц.

Однако настоящий отсчет в создании нормативно-правовой базы антирелигиозной политики в России принято отсчитывать от декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [19]. Этим декретом впервые в истории нашей страны церковь лишалась статуса юридического лица и права владеть собственностью. Церковное имущество объявлялось народным достоянием, и по особым постановлениям местной или центральной власти культовые сооружения и предметы передавались в бесплатное пользование религиозных общин. Церковь была лишена какой-либо финансовой поддержки со стороны государственных органов или местного самоуправления. Граждане могли отправ-

лять религиозные обряды только в том случае, если они не нарушают общественного порядка и не посягают на права других граждан. Местные власти получили право принимать любые необходимые меры, чтобы пресекать нежелательное для советской власти поведение верующих. Согласно ст. 9 «преподавание религиозных верований во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается» [19, с. 374]. Таким образом, власть закладывала основы для формирования нового советского образа жизни и мировоззрения человека социалистического общества.

Конституция РСФСР 1918 года в статье 13 пятой главы закрепила отделение церкви от государства и школы, провозгласив при этом свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами [20]. Однако при этом представители духовенства любых конфессий и члены из семей по статье 65 Конституции 1918 года лишались избирательных прав [20, с. 257].

В августе 1918 года была издана инструкция о проведении декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в которой подтверждалось лишение церкви статуса юридического лица и возможность собирать деньги только вскладчину [21]. Все общества, расходуящие деньги на религиозные цели подлежали закрытию с конфискацией их имущества в пользу Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Конфискованное местными Светами богослужбное имущество передавалось в бесплатное пользование верующим из числа местных жителей. Численность членов религиозной общины, получавших храмы, определялась местными властями, но в Инструкции оговаривалось, что их число не должно быть менее 20 человек. Инструкция Наркомюста указывала, что верующие должны заключить с местными Советами договор об использовании, переданного имущества. В том случае, если никто не выразит желания взять храм в пользование, либо группа не будет насчитывать должно количества членов, то его следовало закрыть. Предполагалось, что после это в газетах и на дверях церковей будет 3 раза размещено объявление. Если никто из граждан не заявит желание взять на себя пользование на условиях, определенных договором, то местные органы власти получали возможность использовать имущество церкви по собственному усмотрению и для своих нужд.

Получив в пользование народное достояние, верующие были обязаны за свой счет поддерживать его в хорошем состоянии: отапливать, ремонтировать, платить налоги, страховать, возмещать убытки, причиненные во время использования. Представители Советов имели полное право проводить проверки и осмотр имущества, оговаривалось только, что это должно происходить не во время богослужения. Местные власти имели право конфисковывать у верующих имущество церковного назначения, если, по их мнению, религиозная община им злоупотребляет. Критерии злоупотреблений в Инструкции не приводились, что давало возможность местным Советам трактовать Инструкцию к собственной выгоде.

Строительство новых храмов было возможно только при условии утверждения сметы и плана строительства местным Советом, причем верующие должны были внести заранее в государственное Казначейство всю

сумму, необходимую для строительства. Это делало практически невозможным сооружение новых церквей, особенно в сельской местности.

Любое другое имущество, кроме предназначенного для отправления культа, подлежало конфискации в течение двух месяцев с момента опубликования Инструкции. Однако, в примечании к пункту 19, указывалось, что местный Совет может оставить некоторую сумму на текущие расходы до конца 1918 года [21, с. 851]. Сумма была не обозначена и всецело зависела от воли представителей местной власти.

За причинение вреда или незаконное использование имущества, переданного в пользование гражданам, виновные подлежали уголовной ответственности.

Согласно Инструкции запрещалось проведение каких-либо религиозных обрядов и размещение различных изображений или предметов религиозного содержания в государственных и публично-правовых общественных помещениях. В храмах следовало ликвидировать все, что хоть как-то напоминало о свергнутой в результате революции династии, т. е. любые памятные доски, надписи, изображения. Инструкция допускала возможность проведения религиозных шествий, но только с согласия местных Советов. Разрешение на проведение публичной церемонии должно было быть получено не менее чем за два дня до церемонии.

Вновь подтверждался запрет на преподавание религии в любых государственных, общественных или частных учебных заведениях, за исключением специальных духовных. Преподаватели лишались заработной платы не только на будущее, но и за прошедшие с момента обнародования декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», т. е. с января 1918 года. Все учебные здания объявлялись народным достоянием и передавали в распоряжение советской власти в лице местных Советов или Наркомпроса.

ВЫВОДЫ

В результате анализа первых нормативно-правовых актов Советской власти можно сделать следующие выводы:

1. В результате становления законодательства о культурах духовенство было лишено избирательных прав.
2. Формально провозгласив свободу отправления религиозных убеждений, советское право существенно ограничило религиозное воспитание и право на шествия.
3. Церковные институты лишились статуса юридического лица.
4. Церковь и религиозные общины были лишены права собственности на движимое и недвижимое имущество.
5. В формирующемся социалистическом праве церковь и общины верующих были значительно ограничены в праве заключать гражданско-правовые договоры.
6. В результате причинения ущерба, народному достоянию, находившемуся в пользовании религиозных общин, вменялась уголовная ответственность.

Таким образом, эти нормативно-правовые акты, заложили фундамент антирелигиозной политики Советской власти. Взяв курс на построение государства, в котором нет и не может быть религии и институтов культа, правительство неуклонно проводило в жизнь меры по ограничению и лишению церкви политических

и гражданских прав. У представителей духовенства и верующих оставалось формальное право на свободу вероисповедания и обучения религии в частном порядке, но не на религиозную пропаганду. Духовенство также лишалось избирательных прав. Религиозные общины были лишены статуса юридического лица, права собственности, могли заключать только договора найма.

Эти нормативно-правовые акты обозначали первый шаг на пути уничтожения любых церковных институтов, создание атеистического государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства в России (1918–1922 гг.). М.: Мосполиграф, 1923. 252 с.
2. Лукин Н.М. Революция и церковь. М.: Гос. изд-во, 1925. 40 с.
3. Красиков П.А. На церковном фронте (1918–1923). М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 311 с.
4. Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919). М.: Академия наук СССР, 1958. 183 с.
5. Ярославский Е. О религии. М.: Госполитиздат, 1957. 640 с.
6. Амосов Н.К. Отношение Коммунистической партии и Советского государства к религии и церкви. М.: Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний, 1955. 22 с.
7. Шахнович М.И. Ленин и проблемы атеизма. М.: Академии наук СССР, 1961. 671 с.
8. Куроедов В.А. Советское государство и церковь. М.: Политиздат, 1976. 263 с.
9. Воронцов Г.В. Массовый атеизм: становление и развитие. Л.: Лениздат, 1983. 183 с.
10. Ахмедов Р.М. Государство и церковь в российском обществе XX столетия: историко-правовое исследование. Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2002. 117 с.
11. Бакаев Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917–1941). Хабаровск: Хабаровский государственный технический университет, 2002. 199 с.
12. Ибрагимов Р.Р. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» как основополагающий правовой документ политики Советского государства в отношении религии // Исследования России и Татарстана: проблемы энциклопедических и науковедческих исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников. Вып. 5. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН ТР, 2013. С. 233–240.
13. Полозова К.А. Противоречия советского законодательства о религии (1929–1990 гг.) и их историческая обусловленность // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XII научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. Ч. 2. С. 547–551.
14. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 720 с.
15. Фирсов С.Л. Власть и огонь: Церковь и советское государство: 1918–нач. 1940-х гг.: очерки истории. М.: ПСТГУ, 2014. 474 с.

16. Декрет «О земле» // Известия. 1917. 28 октября.
17. Постановление СНК РСФСР от 11 декабря 1917 года «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение комиссариата по народному образованию» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 129–132.
18. Декрет СНК РСФСР «О гражданском браке, детях и ведении книг актов состояния» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 161–163.
19. Декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 373–374.
20. Конституция РСФСР 1918 г. // Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. С. 239–261.
21. Постановление Наркомюста РСФСР от 24.08.1918 «О порядке проведения в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства и школы от церкви"» (Инструкция) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 849–858.
11. Bakaev Yu.N. *Vlast i religiya: istoriya otnosheniy (1917–1941)* [Power and religion: the history of relations (1917–1941)]. Khabarovsk, Khabarovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet Publ., 2002. 199 p.
12. Ibragimov R.R. The Resolution of All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR dated the 8th of April 1929 "Concerning Religious Associations" as the principal legal document of the policy of Soviet state regarding religion. *Issledovaniya Rossii i Tatarstana: problemy entsiklopedicheskikh i nauchovedcheskikh issledovaniy: sbornik statey itogovoy nauchno-prakticheskoy konferentsii nauchnykh sotrudnikov*. Kazan, Institut Tatarskoy entsiklopedii AN TR Publ., 2013. Vyp. 5, pp. 233–240.
13. Polozova K.A. The contradictions of Soviet legislation on religion (1929–1990) and their historical dependence. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov v istorii Rossii XX veka: materialy XII nauchnoy konferentsii*. Ivanovo, Ivan. gos. un-t Publ., 2013. Ch. 2, pp. 547–551.
14. Kurlyandskiy I.A. *Stalin, vlast, religiya (religioznyy i tserkovnyy faktory vo vnutrenney politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, power, religion (religious and church factors in the internal policy of Soviet state in 1922–1953)]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011. 720 p.
15. Firsov S.L. *Vlast i ogon: Tserkov i sovetskoe gosudarstvo: 1918–nach. 1940-kh gg.: ocherki istorii* ["The Power and the Fire": the Church and the Soviet State: 1918 – Early 1940s: Essays on the History]. Moscow, PSTGU Publ., 2014. 474 p.
16. The Decree "On the Earth". *Izvestiya*, 1917, 28 October.
17. The Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated the 11th of December 1917 "Concerning the transfer of the issue of upbringing and education from the department of religious affairs to the supervision of the public education commissariat". *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva za 1917–1918 gg.* Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR Publ., 1942, pp. 129–132.
18. The Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "Concerning the civil marriage, children, and civil registering". *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva za 1917–1918 gg.* Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR Publ., 1942, pp. 161–163.
19. The Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "Concerning the Religious Freedom, Church and Faith-Based Associations". *Dekrety Sovetskoy vlasti*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, pp. 373–374.
20. The Constitution of the RSFSR of 1918. *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii*. Moscow, Politizdat Publ., 1987, pp. 239–261.
21. The Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated the 24th of August 1918 "Concerning the procedure of implementation of the Decree "About the separation of church and state, and school and church"" (Instruction). *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva za 1917–1918 gg.* Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR Publ., 1942, pp. 849–858.

REFERENCES

1. Vvedenskiy A.I. *Tserkov i gosudarstvo. Ocherk vzaimootnosheniy tserkvi i gosudarstva v Rossii (1918–1922 gg.)* [Church and State. Essay on the relationship between Church and state in Russia 1918–1922]. Moscow, Mospoligraf Publ., 1923. 252 p.
2. Lukin N.M. *Revolyuetsiya i tserkov* [Revolution and Church]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1925. 40 p.
3. Krasikov P.A. *Na tserkovnom fronte (1918–1923)* [On the front of the church (1918–1923 gg.)]. Moscow, Yurid. izd-vo Narkomyusta Publ., 1923. 311 p.
4. Persits M.M. *Otdelenie tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi v SSSR (1917–1919)* [Separation of Church from State and School in USSR (1917–1919)]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 183 p.
5. Yaroslavskiy E. *O religii* [About religion]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. 640 p.
6. Amosov N.K. *Otnoshenie Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo gosudarstva k religii i tserkvi* [The attitude of the Communist party and Soviet state to the religion and church]. Moscow, Vsesoyuz. o-vo po rasprostraneniyu polit. i nauch. znaniy Publ., 1955. 22 p.
7. Shakhnovich M.I. *Lenin i problemy ateizma* [Lenin and the Problems of Atheism]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1961. 671 p.
8. Kuroedov V.A. *Sovetskoe gosudarstvo i tserkov* [Soviet state and church]. Moscow, Politizdat Publ., 1976. 263 p.
9. Vorontsov G.V. *Massovyy ateizm: stanovlenie i razvitie* [Mass atheism: formation and development]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1983. 183 p.
10. Akhmedov R.M. *Gosudarstvo i tserkov v rossiyskom obshchestve XX stoletiya: istoriko-pravovoe issledovanie* [State and church in the Russian society of the XX century: historical and legal research]. Ufa, ON i RIO UYuI MVD RF Publ., 2002. 117 p.

**THE FORMATION OF LEGAL FRAMEWORK OF THE ANTIRELIGIOUS POLICY
OF THE SOVIET GOVERNMENT IN 1917–1918**

© 2018

I.A. Prokhorenko, PhD (History), Associate Professor
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: Soviet legislation; antireligious policy; limitation of rights; the Decree on religious freedom; church institutes.

Abstract: The legislative regulation of the relations between the state and various social life institutes during the fledging years of the Soviet government is definitely attractive for the improvement of legal policy at the present time as well. In this paper, the author carries out the analysis of the first laws and regulations of the Soviet government regulating the role of religion and church institutes in the new state. The paper includes the problematic-chronological analysis of literature covering this problem. The author highlights the not adequately investigated spheres concerning the legislation of the Soviet government on the religion issues. In particular, the author notes the necessity to study more thoroughly the development of mechanisms of regulatory pressure on the church institutes during the fledging years of the Soviet government. The paper uncovers successively the steps undertaken by the Soviet state to limit the role of the church in the life of the society. It is noted that under the first principal law of the new state, that became a part of history as the Decree on Land, the church loses the major part of its property. It is the beginning of dismantlement of its economic status. The paper reveals the manner in which under the first legislative acts, the church loses all sources of its financial prosperity and then actually loses the right of property for personal and real property. The author specifies as well the laws and regulations depriving the church of its influence on the society, removing from its supervision the education and civil registration. The paper speaks on the limitation of the rights of clergy and their family members including the deprivation of the right to vote and the right to social insurance. The author tells about the gradual increase of pressure on the church, clergy and the believers with the help of the legislative policy and identifies the role of legislation in the successive following the course on the formation of an atheistic state where there is no place for the religious worldview.

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2018

В.П. Ринкевичуте, документовед организационного отдела
приемной и аттестационной комиссии
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград (Россия)

Ключевые слова: признание иностранного образования; соответствие квалификации; Главэкспертцентр; Болонский процесс; нострификация; эвалюация; легализация дипломов; международное соглашение; системы образования; экспертная оценка.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению нормативно-правовых и организационных аспектов функционирования действующей в Российской Федерации системы признания образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве. Анализируется процедура и практический опыт признания образования и квалификации на территории Российской Федерации и других государств. Приводятся статистические данные о предоставлении услуг Главэкспертцентром, показывающие ежегодное увеличение количества потребителей организации. Проводится сравнительная характеристика процедуры признания дипломов об образовании в пяти зарубежных странах, что позволяет выявить неконкурентоспособные элементы в отечественной процедуре признания образования и (или) квалификации. Делается вывод о необходимости сокращения стоимости услуги и срока ее предоставления. Предлагается пересмотреть регламент в части необходимости предоставления оригинала диплома об образовании, в большинстве случаев требующего легализации в консульстве или посредством апостиля. Определяются сложности в отечественной правоприменительной практике по признанию образования и (или) квалификации, связанные с изменением систем образования в зарубежных странах, отсутствием актуальной информации о них, что затрудняет экспертную оценку иностранных документов. Дается рекомендация об использовании более гибкого подхода к оценке полученных квалификаций на основе постоянного мониторинга зарубежных образовательных систем и обновляемых рекомендаций по экспертной оценке иностранных документов об образовании. Приводятся возможные дополнительные методы оценки, предусматривающие предоставление информации о прохождении образовательной или профессиональной подготовки либо о трудовом стаже работы по полученной специальности. Проведенная работа позволяет выявить основные проблемы в области признания образования и (или) квалификации и предложить механизмы повышения конкурентоспособности России в данной сфере.

ВВЕДЕНИЕ

За последние пять лет значительно вырос миграционный поток в Российскую Федерацию, в том числе квалифицированных кадров. В связи с этим вопрос признания иностранного образования и (или) квалификации становится все более актуальным. При этом те или иные аспекты признания иностранного образования ранее уже освещались в трудах исследователей. В частности, были изучены правовые аспекты признания иностранных дипломов в Канаде [1], исследована система взаимного признания документов об образовании между европейскими странами [2], проанализирована административная процедура нострификации [3], рассмотрены проблемы трудоустройства в США [4], описан организационный механизм национальной процедуры признания иностранного образования [5]. Тем не менее, некоторые вопросы функционирования системы признания иностранного образования и (или) квалификации не рассматривались в научных источниках и требуют дальнейшего исследования.

Цель работы – выявление основных проблем, сложностей в сфере признания иностранных дипломов об образовании и (или) квалификации в России, сравнение процедуры признания, осуществляемой в различных странах и подготовка предложений по изменению отечественного механизма правового регулирования в данной сфере.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как показывает статистика, число обращений в Национальный информационный центр по вопросам при-

знания образования (Главэкспертцентр) растет ежегодно: если в 2015 г. количество потребителей услуг учреждения составило 71 148 человек [6], в 2016 г. – 75 319 человек [7], то в 2017 г. произошло увеличение более чем на 28 % до 96 844 человек [8]. Подтвердить иностранное образование, предоставляемые академические или профессиональные права должен любой желающий учиться или работать в России. Подача соответствующих заявок осуществляется в Главэкспертцентр, как посредством личного обращения, так и через его портал, в том числе при помощи портала Госуслуг. Исключение составляют граждане государств, с которыми действуют договоры о взаимном признании образования. В настоящее время в список международных договоров РФ о признании иностранного образования включены двусторонние и многосторонние соглашения, которые Российская Федерация заключила с более чем 70 различными странами, как ближнего, так и дальнего зарубежья. В частности, заключены соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Македонии, Правительством Монголии, Правительством Республики Кипр, Правительством Республики Армения, Правительством Азербайджанской Республики и др.

По данным статистики, в 2018 г. доля иностранных граждан среди посетителей информационного ресурса Главэкспертцентра составила 20,24 %. Наибольший интерес к признанию документов об образовании и (или) квалификации проявляют граждане Украины, Узбекистана, Казахстана, Молдовы, США [9]. С 1 января

2018 г. на информационном портале учреждения можно оформить и электронное свидетельство о признании иностранного образования. По мнению руководителя Главэкспертцентра В. Скоробогатовой, «для привлечения иностранных студентов на учебу в Россию очень важно обеспечить доступность и прозрачность государственной услуги по признанию иностранного образования и квалификации. Рособназдор в различных формах совершенствует также деятельность по международному признанию российского образования, ее процедурные и содержательные аспекты» [10].

Портал Национального информационного центра – pic.gov.ru – для удобства иностранных пользователей содержит контент на четырех иностранных языках. Здесь можно провести экспресс-оценку собственного документа об образовании, полученного в другой стране; подать заявление на признание в электронном виде; получить исчерпывающую информацию о процедуре признания, действующих соглашениях, международных документах в этой сфере. Немаловажной деталью является то, что, если заявитель вносит платеж, оплачивая государственную пошлину за услугу через портал государственных и муниципальных услуг, сумма согласно п. 4 ст. 333.35 Налогового кодекса РФ применяется с учетом коэффициента 0,7 [11].

Любой обладатель иностранного диплома, который хочет учиться или работать в России, в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» должен подтвердить уровень своего образования, предоставляемые академические или профессиональные права [12]. По состоянию на начало 2017-2018 учебного года в России училось около 250 тысяч иностранных студентов, что составляет примерно 5 % от общего числа студентов [13]. Для примера, даже в небольшой Чехии обучается более 10 % иностранцев [14].

В связи с этим является закономерной заинтересованность государства к дополнительному привлечению зарубежных студентов. Правительство Российской Федерации утвердило Приоритетный проект развития экспорта российского образования до 2025 года, по которому планируется увеличить количество иностранных студентов в России в три раза. Ключевая цель проекта – повысить привлекательность и конкурентоспособность российского образования на международном рынке образовательных услуг и таким образом нарастить «несырьевой» экспорт Российской Федерации. Кроме того, в рамках реализации приоритетного проекта предстоит усовершенствовать нормативную базу, регулиующую прием и обучение иностранцев, признание документов о зарубежном образовании, процедуры въезда, выезда и пребывания зарубежных преподавателей, а также вопросы налогообложения образовательной деятельности в рамках международного сотрудничества [15, с. 372]. Для выполнения этих задач возможно обращение и к зарубежному опыту, в связи с чем целесообразно рассмотреть тонкости процедуры признания дипломов в некоторых странах.

В Великобритании существует официальная организация, занимающаяся сопоставлением дипломов, под названием NARIC. Эта служба может проверить диплом и выдать официальный документ, какому уровню образования в британской системе он соответствует. Стоимость процедуры составляет около 80 долларов

США, а срок ее проведения – от 10 до 15 дней. Вместе с дипломом в службу можно направить и другие документы: о дополнительном образовании, о научной работе, которые также будут учтены. Сопоставление при продолжении обучения в Великобритании не требуется, достаточно предоставить переведенную на английский язык и нотариально заверенную копию аттестата.

Сложнее признание дипломов об образовании производится в США, что объясняется совершенно разными подходами к обучению. Например, российские дипломы в области медицины и права американцы вообще не признают, и чтобы работать в этих сферах нашим соотечественникам придется учиться заново. Любому зарубежному специалисту необходимо пройти эвалюацию диплома – процедуру признания квалификации в США. Этим занимается официальная ассоциация NACES, которая объединяет 20 компаний. Процедура занимает примерно 3 недели, а ее стоимость составляет в среднем около 150 долларов США. Для дальнейшего обучения в США процедуру эвалюации проходить не нужно, потребуется лишь заверенная учебным заведением и переведенная на английский язык выписка итоговых оценок.

Процедура эвалюации в Канаде схожа с аналогичной процедурой в США. В стране есть аналогичная ассоциация – Alliance of Credential Evaluation Services of Canada. Она объединяет специальные компании, например WES или CES. Стоимость процедуры порядка 200 долларов США, срок ее исполнения – примерно 20 рабочих дней. При этом эвалюировать можно не все дипломы об образовании. В частности, диплом врача необходимо подтвердить в Medical Council of Canada (Канадский Медицинский совет), а диплом фармацевта в Pharmacy Examining Board of Canada (Канадская фармацевтическая комиссия). Проводить процедуру эвалюации при поступлении в учебные заведения Канады, как и в США, не требуется.

Оценка иностранных квалификаций во Франции находится в компетенции Международного центра по признанию академической мобильности «ENIC-NARIC France». Специалисты Центра проводят анализ диплома и приложения к нему, устанавливают соответствие французской и иностранной систем образования. По итогам анализа выдается один из двух документов государственного образца: справка о сопоставлении с образовательной системой Франции (если сопоставление возможно) либо справка о признании уровня образования (если нет критериев для сопоставления). При этом в зависимости от сложности оценивания документов, процедура может проводиться в пределах 4 месяцев. Ее стоимость в пересчете на американскую валюту составляет примерно 82 доллара. Подтверждать диплом не нужно, если продолжать учебу во Францию. Для этого в вуз предоставляется заверенный нотариусом перевод диплома или академической справки (если обучение еще не закончено).

В Чехии признание дипломов осуществляется высшими учебными заведениями. Для прохождения процедуры признания (нострификации) необходимо перевести диплом и приложение на чешский язык у судебного переводчика, сделать их копии, заверить в городской канцелярии, а затем вместе с заявлением направить в выбранный чешский университет с сопоставимой

программой обучения. В течение двух месяцев от вуза присылается решение о нострификации. Большинство вузов проводят ее бесплатно, некоторые вводят сбор, не превышающий 90 долларов США [16, с. 9–11].

В отличие от вышеуказанных государств, в России признание иностранных дипломов осуществляется с некоторыми особенностями. Правила для признания иностранного образования и (или) квалификации являются едиными. Для нострификации необходимо не только предоставить переведенную на русский язык и нотариально заверенную копию, но и оригинал диплома, для которого еще может потребоваться легализация, что существенно усложняет весь процесс. И если стоимость нострификации сопоставима с зарубежными странами – около 100 долларов США, то максимальный срок рассмотрения пакета документов один из самых больших – 4,5 месяца [17].

Несмотря на участие России в межгосударственных соглашениях о взаимном признании документов об образовании со многими странами, на практике решение задачи признания иностранных документов о высшем образовании связано со значительными трудностями. Во-первых, в системах образования зарубежных стран происходят быстрые изменения, приводящие к появлению новых уровней образования и соответствующих им квалификаций и дипломов. Во-вторых, ощущается недостаток актуальной и достоверной информации о реально существующих структурах уровней и квалификаций в ряде зарубежных стран и, как следствие, отсутствие обоснованных рекомендаций по методике экспертной оценки иностранных документов об образовании и рекомендаций по механизмам их признания. В связи с этим многие из договоров не соответствуют реалиям сегодняшнего образования.

Система признания иностранного образования – это не только важная составляющая мобильности учащихся и инструмент, способствующий повышению эффективности образовательных организаций, но и фактор создания благоприятной репутации страны для экспорта образовательных услуг. Тем более что одним из семи индикаторов реализации Болонского процесса на национальном уровне является именно применение принципов Лиссабонской конвенции. С учетом решений Конференции министров образования Европейского пространства высшего образования в мае 2015 г. (Ереван, Армения) [18] моделирование современных подходов к признанию в динамично меняющемся мире выглядит крайне важным и значимым.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как представляется, с постоянным усовершенствованием систем образования, с внедрением новых направлений подготовки (специальностей), форм обучения возникает потребность в обновлении и непрерывной актуализации теоретической и практической базы в области признания. На сегодняшний день, несмотря на то, что существуют процедуры экспертной оценки, соответствующие нормам международного права, все же необходимо использовать более гибкий подход к оценке полученных квалификаций в связи с разнообразием систем высшего образования, традиций и существующих различий между соответствующими квалификациями в разных образовательных системах. В связи с этим необходимо осуществлять постоянный мони-

торинг ситуации, происходящей в образовательной сфере зарубежных стран, и на основе полученных сведений обновлять рекомендации по экспертной оценке иностранных документов об образовании. Методами оценки может служить возможность компенсации различий в системах образования посредством дополнительных сведений и документов, свидетельствующих о прохождении образовательной или профессиональной подготовки, или наличии трудового стажа по специальности.

Государство, принимая те или иные законы, стимулирует осознание тех интересов, которые оно признает общественно важными, создает механизм их удовлетворения, но при этом и ограничивает их, создает пределы для появления субъективных интересов противоречащих объективным интересам общества. Необходимо обратить внимание на то, что при решении этих вопросов особое внимание играет соблюдение принципа формального равенства субъектов права перед законом [19]. При проведении нострификации он также должен соблюдаться. Однако консульская легализация дипломов для одних иностранных граждан и легализация посредством апостиля для других нарушают данный принцип, в связи с чем необходимо отказаться от предоставления оригинала легализованного иностранного документа об образовании при его признании.

Практический опыт указывает, что объективность, доступность и открытость процедуры признания иностранного образования является одной из составляющих успешного привлечения иностранных обучающихся в национальную систему образования на всех уровнях [20]. В целях увеличения контингента иностранных студентов в российских вузах целесообразно снизить стоимость признания их дипломов об образовании и нормативно сократить максимальные сроки рассмотрения документов, что сделает услугу более доступной, а нашу страну более конкурентоспособной на рынке образования по сравнению с другими государствами.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Таким образом, необходимо признать, что современная система признания иностранных документов об образовании в России во многом схожа с системами, сложившимися в международном сообществе. Однако, несмотря на постоянные шаги ведомств, регулирующих данный процесс, по улучшению системы, признание иностранных дипломов об образовании в России все еще нуждается в совершенствовании. Необходимо учесть опыт зарубежных стран в рассматриваемом вопросе, выявить положительные моменты образовательных новшеств в иностранных государствах и внедрить их в отечественную правоприменительную практику, что позволит оказывать достойную конкуренцию в этой сфере ведущим образовательным державам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Четвериков А.О. Правовые аспекты организации высшего образования и признания иностранных дипломов в Канаде // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 190–195.
2. Куперман И.А., Семенова Т.Ю. Формирование системы взаимного признания документов об образовании между европейскими странами // Право и образование. 2014. № 10. С. 13–18.

3. Сизов И.Ю. Административная процедура нострификации // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 85–87.
4. Середа П.В., Машченко С.С., Рак Н.В. К проблеме трудоустройства в США // Профнавигация молодежи: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2018. С. 186–190.
5. Ростовская Т.К. Совершенствование организационного механизма национальной процедуры признания иностранного образования // Международный академический вестник. 2015. № 6. С. 50–53.
6. Отчет о результатах деятельности ФГБУ, находящегося в ведении Федеральной службы по надзору в сфере образования науки и об использовании закрепленного за ним федерального имущества за 2015 год: Главэкспертцентр за 2015 г. // Национальный информационный центр. URL: nic.gov.ru/Media/Default/Отчеты/Отчет2015.pdf.
7. Отчет о результатах деятельности ФГБУ, находящегося в ведении Федеральной службы по надзору в сфере образования науки и об использовании закрепленного за ним федерального имущества за 2016 год: Главэкспертцентр за 2016 г. // Национальный информационный центр. URL: nic.gov.ru/Media/Default/Отчеты/Отчет2016.pdf.
8. Отчет о результатах деятельности ФГБУ, находящегося в ведении Федеральной службы по надзору в сфере образования науки и об использовании закрепленного за ним федерального имущества за 2017 г. // Национальный информационный центр. URL: nic.gov.ru/Media/Default/Отчеты/Отчет%20о%20результатах%20деятельности%20ФГБУ%20Главэкспертцентр%20за%202017%20год.pdf.
9. Статистика посетителей информационного ресурса // Национальный информационный центр. URL: nic.gov.ru/ru/analytics_1.
10. Новости // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 2017. 24 ноября.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ: ред. от 03.08.2018 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
12. РФ. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53-1. Ст. 7598.
13. Сводный отчет Министерства образования и науки Российской Федерации по форме ФСН № ВПО-1 на начало 2017–2018 учебного года // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2017/во-2017/ФСН-ВПО-1-2017.
14. Статистика о количестве студентов ВУЗов в Чешской Республике // Блог о Чехии. URL: study.tbs-group.cz/blog/info/admission-statistics/.
15. Береснев Д.Н., Жалнин В.А., Слизовский Д.Е. Политика Российской Федерации по повышению экспортного потенциала системы образования: риски и возможности старта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 4. С. 366–378.
16. Российский диплом за границей. Подтвердить знания и получить работу за рубежом. М.: Центр защиты прав граждан, 2017. 14 с.
17. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 24.12.2013 № 1391 (ред. от 09.06.2016) «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по признанию образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве» // Российская газета. 2014. 12 марта (№ 56).
18. Ереванское коммюнике 2015 // Материалы IX Конференции министров стран Европейского пространства высшего образования, 14–15 мая 2015 г. URL: bc.donstu.ru/upload/files/documents/Yerevan%20Communique_final.pdf.
19. Финогентова О.Е., Ломаев А.Ю. Проблемы реализации правовой категории «Публичный интерес» в Российском праве. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. 105 с.
20. Скоробогатова В.И. Признание иностранного образования: современные подходы, инновационные сервисы // Признание иностранного образования и квалификации: современные подходы. Роль информационных ресурсов: сборник тезисов Международной конференции. М.: Главэкспертцентр, 2014. С. 110–111.

REFERENCES

1. Chetverikov A.O. Legal aspects of organization of higher education and recognition of the foreign diplomas in Canada. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 2, pp. 190–195.
2. Kuperman I.A., Semenova T.Yu. Formation of a system of mutual recognition of education documents between the European countries. *Pravo i obrazovanie*, 2014, no. 10, pp. 13–18.
3. Sizov I.Yu. The administrative procedure of notification. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 5, pp. 85–87.
4. Sereda P.V., Mashchenko S.S., Rak N.V. To the problem of employment in the USA. *Profnavigatsiya molodezhi: sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet Publ., 2018, pp. 186–190.
5. Rostovskaya T.K. Improvement of organizational mechanism of the national procedure of recognition of foreign education. *Mezhdunarodnyy akademicheskii vestnik*, 2015, no. 6, pp. 50–53.
6. The report on the results of activity of a FSBI controlled by the Federal Agency for Supervision in Education and Science and on the use of federal property assigned to it for 2015: GlavExpertcenter for 2015. *Natsionalnyy informatsionnyy tsentr*. URL: nic.gov.ru/Media/Default/Отчеты/Отчет2015.pdf.
7. The report on the results of activity of a FSBI controlled by the Federal Agency for Supervision in Education and Science and on the use of federal property assigned to it for 2016: GlavExpertcenter for 2016. *Natsionalnyy informatsionnyy tsentr*. URL: nic.gov.ru/Media/Default/Отчеты/Отчет2016.pdf.

8. The report on the results of activity of a FSBI controlled by the Federal Agency for Supervision in Education and Science and on the use of federal property assigned to it for 2017. *Natsionalnyy informatsionnyy tsentr*. URL: nic.gov.ru/Media/Default/Отчеты/Отчет%20о%20результатах%20деятельности%20ФГБУ%20Главэкспертцентр%20за%202017%20год.pdf.
9. The statistics of information resource visitors. *Natsionalnyy informatsionnyy tsentr*. URL: nic.gov.ru/ru/analytics_1.
10. News. *Poisk. Ezhenedelnaya gazeta nauchnogo soobshchestva*, 2017, 24 November.
11. Tax Code of the Russian Federation (part two) dated the 5th of August 2000 No. 117-FZ: ed. dated the 3rd of August 2018. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2000, no. 32, st. 3340.
12. RF. Federal law dated the 29th of December 2012 No. 273-FZ (ed. dated the 7th of March 2018) "Concerning the education in the Russian Federation". *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2012, no. 53-1, st. 7598.
13. The consolidated report of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation according to the State Federal Statistical Monitoring Form No. VPO-1 at the beginning of 2017-2018 academic year. *Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii*. URL: минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2017/во-2017/ФСН-ВПО-1-2017.
14. The statistics on the number of the university students in Czech Republic. *Blog o Chekhii*. URL: study.tbs-group.cz/blog/info/admission-statistics/.
15. Beresnev D.N., Zhalnin V.A., Slizovskiy D.E. Policy of the Russian federation to enhance the export potential of the education system: risks and opportunities at the start. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 2017, vol. 19, no. 4, pp. 366–378.
16. *Rossiyskiy diplom za granitsey. Podtverdit znaniya i poluchit rabotu za rubezhom* [Russian diploma abroad. To validate knowledge and get the job abroad]. Moscow, Tsentr zashchity prav grazhdan Publ., 2017. 14 p.
17. The Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated the 24th of December 2013 No. 1391 (ed. Dated the 09th of June 2016) "Concerning the approval of Administrative procedure for the provision of a public service for recognition of education and (or) qualification get in a foreign state by the Federal Education and Science Supervision Service". *Rossiyskaya gazeta*, 2014, 12 Martha (no. 56).
18. Erevan Communiqué of 2015. *Materialy IX Konferentsii ministrov stran Evropeyskogo prostranstva vysshego obrazovaniya, 14-15 maya 2015 g.* URL: bc.donstu.ru/upload/files/documents/Yerevan%20Communiqué_final.pdf.
19. Finogentova O.E., Lomaev A.Yu. *Problemy realizatsii pravovoy kategorii "Publichnyy interes" v Rossiyskom prave* [The problems of implementation of legal category "Public interest" in Russian law]. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii Publ., 2016. 105 p.
20. Skorobogatova V.I. The recognition of foreign education: modern approaches, innovative services. *Priznanie inostrannogo obrazovaniya i kvalifikatsii: sovremennyye podkhody. Rol informatsionnykh resursov: sbornik tezisov Mezhdunarodnoy konferentsii*. Moscow, Glavekspertsentr Publ., 2014, pp. 110–111.

THE PROBLEMS OF RECOGNITION OF FOREIGN EDUCATIONAL DOCUMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2018

V.P. Rinkevichute, document specialist of Organizational Department of the Admission and Certification Committee
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia)

Keywords: recognition of foreign education; qualification conformity; GlavExpertcentre; Bologna Process; nostrification; evaluation; legalization of diplomas; international agreement; education systems; expert assessment.

Abstract: This paper covers the study of the regulatory and legal and organizational aspects of the functioning of the applied in the Russian Federation system of recognition of education and (or) qualification got in a foreign country. The author analyses the procedure and practical experience of recognition of education and qualification in the territory of the Russian Federation and other states and presents the statistical data on the provision of services by the GlavExpertcentre that indicate the annual increase in the number of consumers of the organization. The author carries out the comparative analysis of the procedure for recognition of the education certificates in five foreign countries that allows identifying the non-competitive elements in the native procedure for recognition of education and (or) qualification. It is concluded that it is necessary to reduce the cost of a service and the time it is provided. It is suggested revising the regulations in regards to the necessity to submit the original of an education certificate in most cases requiring legalization in the consulate or through apostille. The author identifies the difficulties in the native law enforcement practice of recognition of education and (or) qualification associated with the change of education systems in foreign countries, the lack of relevant information about them, that makes it difficult to assess foreign documents. The author recommends using the more flexible approach to the assessment of qualifications obtained through the continuous monitoring of foreign educational systems and updated recommendations on the expert evaluation of foreign education documents. Possible additional assessment methods are described involving the provision of the information on the completion of educational or vocational training or on the labor experience in the acquired specialty. The conducted work allows identifying the main problems in the sphere of recognition of education and (or) qualification and proposing mechanisms for enhancing Russia's competitiveness in this sphere.

МЕТОДОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ

© 2018

С.Н. Шестов, кандидат экономических наук, доцент,
директор Института экономики и права
Академия труда и социальных отношений, Севастополь (Россия)

Ключевые слова: общественное документирование; методология; кейс-метод; научность и объективность.

Аннотация: Рассмотрены вопросы методического обеспечения процедуры общественного документирования. Общественное документирование автор определяет как процедуру по сбору и фиксации сведений о событии, которое вызвало общественный резонанс. Субъектом такого документирования названа общественная комиссия. Результат этой процедуры основан на применении специальных знаний, и поэтому соответствует критериям судопроизводства. Также он применим для обоснования законодательных решений, принимаемых органами государственной власти. Методология общественного документирования содержит методы специальных исследований. Их применяют специалисты, которых привлекает общественный субъект. Знания, получаемые в ходе специального исследования, отвечает критерию научности. Рассмотрены содержание и структура специального познания, осуществленного в ходе общественного документирования. Определен метод общественного документирования как система принципов и приемов, с помощью которых достигается объективное познание события. Подчеркнута роль исследовательской технологии в этой процедуре. Научным характером специальных знаний обеспечена объективность результата общественного документирования. Материалы общественного документирования отвечают критериям, предъявляемым к судебным доказательствам. Установлена применимость кейс-метода для формирования методологии общественного документирования. Выявлены особенности объекта и субъекта указанных методов. Показана специфичность, обоснована научность и объективность общественного документирования. Разобран пример общественного документирования событий с признаками военных преступлений, а также экстремистских проявлений на территории самоопределившегося государства. Продемонстрирована объективность и достоверность его результата. В ходе документирования применены разнообразные специальные знания для исследования разного рода следов преступления. Конкретизирована методология такого исследования. Отмечено, что специальные исследования проводили специалисты судебно-экспертных учреждений. В силу научности, результаты общественного документирования могут быть приняты в качестве судебных доказательств.

ВВЕДЕНИЕ

Условия вооруженного международного конфликта создают значительные трудности на пути государственного строительства в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР). Общественность Республики активно взаимодействует с различными государственными структурами, в плане укрепления мира и стабильности, а также по многим другим направлениям общественной жизни. В условиях нового социального государства общественность становится субъектом познания явлений, имеющих значение для формирования концептуальных основ государственного строительства. Общественный субъект осуществляет документирование событий общественного значения, применяя при этом разнообразные качественные и количественные методы [1]. Общественная комиссия документирует преступления, и может становиться участником международного судопроизводства [2; 3]. Общественные активисты инициируют юридическое рассмотрение резонансных фактов и событий, и при этом вносят вклад в обеспечение объективности и достоверности судебных доказательств [4]. Благодаря такому подходу, результаты общественного документирования могут учитываться и в практике государственного управления. Поэтому методология познания событий, явлений и фактов, применяемая в ходе общественного документирования, приобретает актуальность.

Цель работы – формулирование методологических основ общественного документирования. Использован теоретический метод, приняты во внимание данные проведенного нами анализа текущей практики общест-

венного документирования значимых событий, происходящих на территории ДНР, а также Республики Крым.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уточним терминологическую базу рассматриваемой проблемы. При этом принимаем во внимание, что совершенствование понятийного аппарата направлено на обеспечение логичности, точности, последовательности и непротиворечивости научного знания.

Понятием «общественное документирование» обозначаем систему действий общественности по сбору и фиксации сведений о фактах, составляющих данное событие и обстоятельствах, сопутствующих ему [5]. Как правило, общественному документированию подвергается событие, которое может свидетельствовать о существенных тенденциях в различных сферах государственной политики. Содержание понятия «событие» связывают с фактом, имевшим место и оказавшим значительное влияние на общественную среду [6].

Ученые утверждают, что методология исследования содержит знания о том, какие методы (приемы, способы) научного познания следует использовать в понимании конкретного объекта. Обращаем внимание, что общественное документирование реализует качественный метод исследования. Объектом этого документирования является единичное событие (случай). Его рассматриваем как совокупность явлений и процессов, объединенных собственной логикой и структурированных в пространстве и во времени. Подчеркиваем, что документируемое событие отличается единичным характером. Для

его изучения указанным общественным субъектом привлекаются специалисты в области различных наук. Они составляют заключения по результатам проведенных специальных исследований, объектом которых являются различные признаки документируемого события. Выводы, сформулированные по результатам таких исследований, составляют обобщенную картину данного документируемого события. При данном подходе, общественное документирование является реализацией казуистически-прагматического метода, или, в другой терминологии, «кейс-метода» [7; 8].

Исследования, проводимые общественным субъектом, направлены на получение объективной информации. Именно благодаря такому их качеству, результаты общественного документирования позволяют государственным органам осветить ситуацию и понять проблему, затрудняющую функционирование государственных институтов. В ходе общественного документирования полученные сведения обобщаются и систематизируются руководителем общественной комиссии. На основании результатов документирования государственный орган может принимать обоснованные управленческие решения. Поэтому перед общественностью встает вопрос выбора методологической позиции документирования, проводимого с целью обоснования эффективного решения в сфере государственного управления и направленного на совершенствование законотворческой и правоприменительной деятельности властных органов самоопределившегося государства.

Государственное управление понимаем как деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, нацеленную на благо общества и укрепление государства. Ценность государственного управления состоит в эффективности, экономичности и социальной ответственности политических механизмов. Ученые и практики в сфере государственного управления обращают внимание на необходимость поиска новых путей повышения его результативности при принятии управленческих решений. Преодоление препятствий для эффективной работы аппарата государственного управления, по нашим наблюдениям, часто связано с необходимостью применения специальных знаний. Особо важным заданием во всех сферах государственного управления считаем прогнозирование последствий управленческой деятельности.

Ввиду еще недолгой истории государства ДНР, в настоящий период затруднительно, в обоснование принимаемых решений, привлекать исторический метод. Не удастся проследить генезис текущих явлений, либо получить генеральную совокупность событий, пригодную для корректной статистической обработки с целью интерполяции тенденций и прогнозирования результатов внедрения инноваций. Поэтому преимущество в государственном управлении следует отдавать методам исследования единичных явлений или локальным подходам с ожидаемым быстрым результатом, таким методам, как социометрический, каузометрический, другие [9].

Признанным методом исследования отдельного события (случая) считается кейс-метод. Обоснование и развитие этого метода находились под влиянием психоаналитических теорий Фрейда и его последователей [10–12]. Согласно данному методу проблема сопостав-

ления с другими событиями (случаями) является второстепенной. Объект признается уникальным, а специфика кейс-метода состоит в глубинном изучении своеобразия объекта. Выводы о результатах применения данного метода носят локальный, прикладной характер. Однако, они могут послужить для выработки рекомендаций по разрешению конфликта или улучшению функционирования системы.

Кейс-метод считают тактикой исследования явлений общественного характера [13]. Авторы подчеркивают его практическое значение. Специфика метода состоит в разностороннем изучении своеобразия, уникальности объекта. Выбор конкретного события (случая) в качестве объекта зависит от того, насколько он соответствует общим исследовательским целям, и в какой степени отражает весь комплекс поставленных задач. Исследуемое событие (случай) может быть как типичным, так и экстремальным. Обращаем внимание на необходимость четкого определения границ исследуемого объекта. Важным элементом реализации кейс-метода является выбор временных ограничений события (случая). Значение имеет степень разносторонности его рассмотрения. Авторами предложено представлять объект исследования – событие (случай) – в виде матрицы, отображающей природу и наименование его признаков [14]. Использование различных приемов сбора информации обеспечивает объективное познание механизма явления, стоящего за отдельным событием (случаем).

Таким образом, кейс-метод – это эмпирическое исследование, которое изучает резонансное событие (случай) в его реальном общественном контексте. В нашем понимании, кейс-метод представляет собой исследовательскую стратегию, содержащую проведение различных специальных исследований, как количественных, так и качественных. К недостаткам кейс-метода относят требование избыточности к фиксируемым источникам информации. В методическом плане, применение кейс-метода предполагает использование множества источников информации и приемов ее сбора. Недостатком рассматриваемого метода авторы называют и субъективность реализуемой исследовательской технологии. Но, с другой стороны, особенностью кейс-метода можем назвать гибкость исследовательского подхода. Это качество метода выражается в том, что исследователь принимает промежуточные решения по мере получения новых эмпирических данных, в ходе их обсуждений с коллегами, в результате возможного изменения гипотез.

Целью обобщения результатов применения кейс-метода называют познание явления на основе всестороннего изучения отдельного события (случая), с различных сторон, и в той или иной мере его характеризующих. Объекты исследования (события, случаи) выбирают, согласно кейс-методу, по критериям типичности, экстремальности, гомогенности, гетерогенности и другим. В исследовании события (случая) все доступные источники данных о нем должны использоваться с максимальной эффективностью. Этот метод успешно применяют для познания затрудненных к прямому доступу объектов, таких как вооруженные конфликты, социальные явления, результаты инновационной деятельности и т. п.

Рассмотрим содержание общественного документирования.

Общественное документирование, как метод, направлено на познание объективной действительности [1]. Методология общественного документирования включает методы специального познания. Между тем, такой вид познания, применяемого в общественном документировании, характеризуется следующими особенностями: 1) его предмет определен как целостная система разнообразных признаков объекта; 2) оно предусматривает применение специальных знаний и научной приборной базы; 3) специальное познание включает набор определенных специальных методов; 4) его результаты фиксируются особым документом (актом общественного документирования) и должны отвечать требованиям, предъявляемым к научным отчетам (научно-практическая база исследования и научная обоснованность его результатов; планомерность исследования; достоверность и наглядность результатов; возможность проследить весь ход исследования; обоснованность применения методов и научно-технических средств); 5) специальное познание предполагает наличие специального субъекта (специалиста), что отличает общественное документирование от других форм познания событий общественной жизни.

На основе этих соображений характеризуем методологию общественного документирования как систему методов познавательной деятельности. Метод такого документирования определяем как систему принципов и приемов, с помощью которых достигается объективное познание события (случая), привлечение внимания общественности. При этом результативность общественного документирования определяется полнотой и точностью примененных методов специального познания, а также адекватностью исследовательской технологии. В этом смысле, метод общественного документирования отвечает критериям научности и объективности. Такое документирование представляет собой познавательную процедуру. Она, на основе применения специальных знаний, направлена, во-первых, на исследование объекта документирования, а, во-вторых, на составление итогового документа по результатам исследования конкретного события (случая), и при этом задачей применения специальных знаний становится и обеспечение аргументированности [15]. Обобщая сказанное, можем утверждать, что специальные исследования, осуществляемые в ходе общественного документирования, направлены на установление признаков и свойств события (случая), выбранного в качестве объекта [16]. Используемые методы специального познания относят к научным. Этим и обеспечивается объективность специальных исследований, а значит, и результата общественного документирования.

Общественное документирование, поскольку оно основано на научном познании, становится одновременно исследованием объекта и изучением способа его познания. Задача общественного документирования сводится к установлению объективного знания о конкретном событии, явлении или факте. Его технология строится по общей логико-гносеологической схеме процесса познания. Общественное документирование подобно научному познанию, хотя и не идентично ему. Действительно, если научное познание означает про-

должительный общественно-исторический процесс, то документирование должно рассматриваться как субъективная категория, как деятельность общественного субъекта по локальному исследованию определенных общественно-значимых событий.

Познание в ходе документирования осуществляется с участием специалистов, которых привлекает общественный субъект. Поэтому этот процесс называем познающим специальным. Специальное познание, как и научное, относится критически к каждому моменту познавательной деятельности, к исходным данным, принципам, методам и результатам исследования [17]. Качество знаний, получаемых в ходе специального исследования, также отвечает критерию научности. Процесс такого познания предусматривает наличие объекта исследования (события-случая, явления, факта), субъекта (специалиста, привлеченного общественным субъектом), метода исследования (используют экспертные методики), оформленного результата (заключение специалиста). Тогда структура специального познания, осуществленного в ходе общественного документирования содержит такие основные элементы: 1) выбор специальных знаний; 2) проведение исследования; 3) формулирование вывода. Одной из форм специального познания называют судебную экспертизу [18]. Поэтому практика общественного документирования показывает, что специальные исследования успешно могут проводит сотрудники судебно-экспертных учреждений.

Из сопоставления структур общественного документирования и рассмотренного выше кейс-метода нетрудно видеть, что общественное документирование, фактически, является воплощением кейс-метода. Действительно, оба этих метода применимы для исследования одного объекта (события, случая), содержат систему специальных исследований, реализуются сходными технологиями. Оба метода направлены на объяснение явлений и устранение противоречий в общественной жизни или в государственном строительстве. Между тем, они разнятся по субъекту. Субъектом кейс-метода выступают исследователи, ученые, научные работники. Субъектом общественного документирования является общественная комиссия, которая возлагает на себя ответственность за объективное представление фактов и обстоятельств и действует целенаправленно на обеспечение государственной политики в той или иной сфере общественной жизни. Общественная комиссия самостоятельно, независимо от правоохранительных и иных органов государства осуществляет документирование события (случая). Она берет на себя проведение документирования разнообразных явлений общественной жизни, в ходе которого взаимодействует с органами государственного управления, а также с общественностью, СМИ. В силу объективного характера, а также полноты и достоверности, результаты общественного документирования могут служить основанием для принятия решений в сфере государственного управления.

Так, например, в ходе документирования событий с признаками военных преступлений на территории ДНР общественная комиссия осуществляет сбор следов на месте события, опрос его очевидцев, фиксацию обстановки происшествия путем ее описания, а также видео- и фотосъемки. Важным элементом в обеспечении объективности и достоверности результата

документирования является привлечение широкого спектра специальных знаний. Эксперты различного профиля производят исследование материальных следов, участков местности, поврежденных строений, а также видео- и фонограмм пояснений очевидцев и других свидетелей события. Результаты общественного документирования переданы в правоохранительные органы и судебные инстанции различной юрисдикции [19]. Также, в настоящее время документируются разнообразные экстремистские проявления на территории ДНР. Еще, например, по сообщениям СМИ, в Крыму наблюдаются случаи жилищной застройки морских пляжей. Данное событие, судя по интенсивности обсуждения в социальных сетях, вызвало общественный резонанс и поэтому было выбрано общественной комиссией как объект документирования. Ею собраны сообщения об этом из различных источников – спутниковые снимки участков застройки, сообщения граждан по данному вопросу, размещенные в социальных сетях и т. п. Специалистами-геодезистами составлены экспертные заключения о расположении возводимых жилых строений в рекреационной зоне. Материалы документирования переданы в государственные органы для принятия соответствующих решений. Еще пример – общественностью на территории Крыма проведены социологические исследования практики оказания определенной государственной услуги, в плане выявления коррупционных факторов [20]. Учитывая возможность использования результатов документирования в качестве судебных доказательств, в качестве специалистов к исследованию привлечены эксперты, работающие в государственных судебно-экспертных учреждениях [21].

ВЫВОДЫ

Методология общественного документирования представляет собой динамическую и функциональную систему знаний о познавательной деятельности участвующих в нем специалистов. Методология направлена на расширение его возможностей и повышение практического значения, в плане обоснования решений, принимаемых государственными органами и общественными структурами. Специфика познания, осуществляемого в ходе такого документирования, по сравнению с научным познанием, определена специфичностью его предмета – обстоятельства события, явления или факта общественной жизни, а также общественным характером субъекта, независимостью участвующих в нем специалистов.

Познание объекта, осуществляемое в ходе общественного документирования, характеризуется научностью. Методология общественного документирования содержит систему количественных и качественных методов, в частности, кейс-метод. Научность методологии общественного документирования обуславливает применимость его результатов для обоснования решений в сфере государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестов С.Н. Общественное документирование как метод в системе государственного управления // Право. Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях: сборник научных работ серии. Вып. 4. Донецк: ДонАУиГС, 2017. С. 171–185.
2. Моисеев А.М., Жигулин А.М. Внепроцессуальный субъект доказывания в международном уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 74–79.
3. Моисеев А.М., Жигулин А.М. Документирование военных преступлений: взаимодействие его субъектов с международными судебными инстанциями // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 2. С. 31–37.
4. Моисеев А.М., Шестов С.Н. Общественный субъект юридической ответственности в условиях непризнанного государства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 4. С. 49–52.
5. Моисеев А.М. Общественное документирование в уголовном судопроизводстве // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VI Международной научно-практической конференции. Симферополь: АРИАЛ, 2018. С. 80–82.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Турченко М.С., Завадская М.А. Каузальный механизм vs нагромождение фактов? Критерии оценки причинно-следственных связей в case studies // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 134–146.
8. Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар: КрУ МВД России, 2017. 332 с.
9. Кожевникова И.И. Экспериментальный метод в психологии // Фундаментальные и прикладные научные исследования: взгляды молодых ученых: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Макеевка: МЭГИ, 2014. С. 58–64.
10. Ситуационный анализ, или анатомия Кейс-метода / под ред. Ю.П. Сурмина. Киев: Центр инноваций и развития, 2002. 286 с.
11. Сурмін Ю.П. Кейс-метод: становлення та розвиток в Україні // Вісник НАДУ. 2015. № 2. С. 19–28.
12. Фливерберг Б. Недоразумения в связи с кейс-стади // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 110–120.
13. Гоглиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. М.: Флинта, 2014. 354 с.
14. Моисеев О.М., Седнев В.В., Бордюгов Л.Г., Скринникова Н.С. Катастрофи: теоретичні та прикладні аспекти розслідування. Донецьк: Ноулідж (Донецьке відділення), 2014. 198 с.
15. Моисеев А.М., Шестов С.Н. Общественное документирование: аспект адресата // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 7. С. 27–30.
16. Моисеев А.М., Панько Н.А., Шестов С.Н. Специальные исследования в документировании общественных событий. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. 269 с.
17. Демидов А.Б. Философия и методология науки: курс лекций. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2006. 102 с.

18. Панько Н.А. Специальные исследования в судебной экспертизе // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сборник научных трудов. Вып. 2/38. Минск: Право и экономика, 2015. С. 81–87.
19. Жигулин А.М., Моисеев А.М. Документирование военных преступлений в условиях вооруженного конфликта. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.
20. Малюгин В.А. Отсутствие общественного контроля как коррупционная составляющая электронной очереди // Дни науки – 2017: сборник научных трудов по результатам XXIII Научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Т. 6. Makeevka: МЭГИ, 2017. С. 175–178.
21. Артёмова Д.И. Эксперт и специалист как участники процесса доказывания в конституционном и уголовном судопроизводстве // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № S27. С. 1–5.
9. Kozhevnikova I.I. Experimental method in psychology. *Fundamentalnye i prikladnye nauchnye issledovaniya: vzglyady molodykh uchenykh: sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsiya*. Makeevka, MEGI Publ., 2014, pp. 58–64.
10. Surmin Yu.P., ed. *Situatsionnyy analiz, ili anatomiya Keys-metoda* [Situational analysis, or Anatomy of case-method]. Kiev, Tsentr innovatsiy i razvitiya Publ., 2002. 286 p.
11. Surmin Yu.P. Keys-method: becoming and development is in Ukraine. *Visnik NADU*, 2015, no. 2, pp. 19–28.
12. Flivberg B. On misunderstandings in connection with case-studies. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2005, no. 4, pp. 110–120.
13. Gotlib A.S. *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznavatelnye i ekzistentsialnye gorizonty* [Qualitative sociological study: cognitive and existential horizons]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 354 p.
14. Moiseev O.M., Sednev V.V., Bordyugov L.G., Skrinnikova N.S. *Katastrofi: teoretichni ta prikladni aspekti rozsliduvannya* [Catastrophes: theoretical and applied aspects of investigation]. Donetsk, Noulidzh (Donetskoe otdelenie) Publ., 2014. 198 p.
15. Moiseev A.M., Shestov S.N. The public documentation: aspect of representee. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 7, pp. 27–30.
16. Moiseev A.M., Panko N.A., Shestov S.N. *Spetsialnye issledovaniya v dokumentirovanii obshchestvennykh sobyiy* [Special research in documenting of public events]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publ., 2017. 269 p.
17. Demidov A.B. *Filosofiya i metodologiya nauki: kurs lektsiy* [Philosophy and methodology of science: series of lectures]. Vitebsk, VGU im. P.M. Masherova Publ., 2006. 102 p.
18. Panko N.A. Special research in legal expertise. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy: sbornik nauchnykh trudov*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2015. Vyp. 2/38, pp. 81–87.
19. Zhigulin A.M., Moiseev A.M. *Dokumentirovanie voennykh prestupleniy v usloviyakh vooruzhennogo konflikta* [Documenting of military crimes in the conditions of an armed conflict]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 208 p.
20. Malyugin V.A. The deficiency of public control as the corruption element of the queuing system. *Dni nauki – 2017: sbornik nauchnykh trudov po rezultatam XXIII Nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Makeevka, MEGI Publ., 2017. Vol. 6, pp. 175–178.
21. Artemova D.I. Experts and professionals as participants in the process of proving the constitutional and criminal proceedings. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept*, 2014, no. S27, pp. 1–5.

REFERENCES

1. Shestov S.N. Public documenting as the method in the system of state management. *Pravo. Pravovoe obespechenie deyatelnosti organov gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya v sovremennykh usloviyakh: sbornik nauchnykh rabot serii*. Donetsk, DonAUiGS Publ., 2017. Vyp. 4, pp. 171–185.
2. Moiseev A.M., Zhigulin A.M. The extra-procedural subject of proving in the international criminal trial. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2016, no. 1-2, pp. 74–79.
3. Moiseev A.M., Zhigulin A.M. Documenting of the military crimes: the interaction of its subjects with the international judicial instances. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2016, no. 2, pp. 31–37.
4. Moiseev A.M., Shestov S.N. The public subject of legal responsibility under the conditions of the unrecognized state. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 49–52.
5. Moiseev A.M. Public documenting in criminal procedure. *Ugolovnoe proizvodstvo: protsessualnaya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Simferopol, ARIAL Publ., 2018, pp. 80–82.
6. Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language]. Sankt Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
7. Turchenko M.S., Zavadskaia M.A. Casual Mechanism vs Pile of Facts: How to Evaluate Casual Links in Case Study Research. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, no. 2, pp. 134–146.
8. Sokol V.Yu. *Krizis otechestvennoy kriminalistiki* [The Crisis of Forensic Science in Russia]. Krasnodar, KrU MVD Rossii Publ., 2017. 332 p.

THE METHODOLOGY OF PUBLIC DOCUMENTATION

© 2018

S.N. Shestov, PhD (Economic), Associate Professor, Director Institute of Economics and Law
Academy of Labour and Social Relations, Sevastopol (Russia)

Keywords: public documentation; methodology; case-method; scientific character and objectivity.

Abstract: The paper considers the issues of methodological support of the procedure of public documenting. The author defines public documenting as the procedure for collecting and recording of the information about an event that caused the public interest. The public commission is called an entity of public documenting. The result of this procedure is based on the application of special knowledge and thus matches the criteria of judicial procedure. The result can be used as well to justify the legislative decisions taken by the state authorities. The methodological basis of public documenting consists of special methods of study. They are used by specialists who have an interest in the public entity. Knowledge learned through special research meets the scientific criterion. The author considered the content and structure of special cognition acquired during public documenting and defined the method of public documenting as the system of principles and techniques using which the objective knowledge of an event is achieved. The role of research technology in the procedure is highlighted. Scientific nature of special knowledge provides the objectivity of the results of public documenting. The materials of public documenting meet the criteria applicable to the judicial evidence. The applicability of case-method to the methodology of public documenting is defined. The author identifies the features of an object and the entity of specified methods, shows the specificity of public documenting, and substantiates the scientific nature and objectivity of public documenting. The paper considers the example of public documenting of the events with the attributes of military crimes and the extremist acts on the territory of a self-identified state. The author demonstrates the objectivity and reliability of its result. During the documenting procedure, wide special knowledge is applied to study various types of traces of the crime. The author concretizes the methodology of such research and notes that the experts of forensic institutions carried out special research. Due to the scientific nature, the results of public documenting can be taken as the judicial evidence.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ

© 2018

С.В. Юношев, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»

С.В. Кондратюк, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; доказательственное значение; следственные действия; осмотр информационных объектов сети Интернет и сетевых каналов коммуникации.

Аннотация: Данная статья посвящена значимой проблеме уголовного судопроизводства – приданию доказательственного значения информации, полученной из информационных ресурсов. Показывается, что действующее отечественное уголовно-процессуальное законодательство никак не регламентирует особенности введения в доказательственную базу такой информации. Обосновывается тезис, что отсутствие надлежащей процессуальной регламентации существенным негативным образом сказывается на законности доказывания при расследовании и рассмотрении уголовных дел, на надежности и достоверности получаемых доказательств. При этом констатируется, что потребности правоприменительной практики настоятельно требуют восполнение существующего законодательного пробела, поскольку иное влечет угрозу признания полученных доказательств недопустимыми и, как следствие, прекращение уголовного преследования или постановление оправдательного приговора. Обращается внимание, что аналогичные процедуры уже известны и успешно функционируют в иных отраслях российского права, например, применительно к обеспечению доказательств нотариусами. В этой связи обосновываются предложения о введении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, направленные на введение нового вида осмотра, а именно осмотра информационных объектов сети Интернет и сетевых каналов коммуникации. Обосновываются существенные отличия предлагаемого следственного действия от традиционного осмотра предметов и документов, главным образом, в содержании протокола осмотра информационных ресурсов. Также рассматривается проблема предоставления следователю (дознавателю) от организации, предоставляющей услуги доступа к сети Интернет, информации персонального характера о пользователе сети. На основе анализа существующей следственной практики делается вывод о ее противоречии конституционным гарантиям на неприкосновенность частной жизни, установленным в ст. 23 Конституции РФ. Исходя из этого, предлагается законодательное закрепление возможности истребования такой информации лишь на основании судебного решения, получаемого в порядке ст. 165 УПК РФ.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития информационного общества и телекоммуникационных технологий все чаще возникает необходимость придания информации из интернет-источников статуса доказательства в уголовном судопроизводстве. Между тем, при очевидной необходимости вовлечения подобной информации в орбиту уголовного судопроизводства [1], процессуальная регламентация процедуры ее получения и оформления, то есть по сути придания ей доказательственного значения, не отвечает современным потребностям [2]. В правоприменительной практике, при том, что доказывание в целом признается одной из основных проблем расследования и разрешения уголовных дел [3–5], тем не менее, давно разработаны и успешно функционируют алгоритмы придания доказательственного характера информации на бумажных носителях [6–8]. Однако, что касается электронных документов и иной информации, полученной из интернет-источников, то уголовно-процессуальное законодательство совершенно очевидно отстает от потребностей практики. Правоприменители в такой ситуации вынуждены работать в условиях неочевидности процессуальной регламентации, действовать на свой страх и риск, приспособившая под нужды оперирования с электронными документами и интернет-информацией ту процессуальную регламентацию, которая для этого никак не приспособлена. Так, например, известно, что информацией об авторах и пользователях интернет-информации владеют организации, пре-

доставляющие телекоммуникационные услуги. В условиях существующей процессуальной регламентации предоставление ими этих сведений, а также последующее использование полученной информации в качестве доказательств, вызывает обоснованные возражения с точки зрения устоявшихся представлений о допустимости и достоверности доказательств. В свою очередь, это приводит к утрате такой информацией доказательственного статуса, признанию доказательств недопустимыми и, как следствие, прекращению уголовного преследования или постановлению оправдательного приговора [9–11]. Исходя из изложенного, совершенствование порядка процессуального оформления как доказательства информации, полученной из интернет-источников, является насущной необходимостью.

Цель работы – выработка предложений, направленных на совершенствование процессуального порядка получения и процессуального оформления доказательственной информации из сети Интернет и от организаций, предоставляющих телекоммуникационные услуги.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Авторы настоящей статьи едины во мнении, что в уголовно-процессуальном законодательстве России на сегодняшний день отсутствует надлежащий процессуальный порядок изъятия и процессуального оформления информации, полученной из сети Интернет.

Как известно, теорией и практикой уголовно-процессуального познания (доказывания) выработаны четыре критерия допустимости полученного по уголовному

делу доказательства: 1) доказательство должно быть получено уполномоченным на то субъектом (критерий надлежащего субъекта); 2) оно должно быть извлечено из надлежащего источника (например, недопустимо использование в качестве доказательства информации, полученной из анонимных источников); 3) требование законности способа получения доказательства (например, доказательство должно быть получено в ходе специально для этого приспособленного следственного действия); 4) требование надлежащего способа фиксации доказательства (например, отсутствие протокола следственного действия как основного способа фиксации его хода и результатов во всех случаях приводит к ничтожности полученных в ходе этого следственного действия данных) [12].

Что касается информации, хранящейся на информационных объектах сети Интернет (интернет-сайтах) либо сетевых каналах коммуникации (электронная почта, мессенджеры и др.), то названные выше критерии допустимости доказательств либо не работают, либо нуждаются в существенной трансформации применительно к рассматриваемой разновидности доказательств.

Так, в данном случае всегда возникает необходимость переноса электронного образа данной информации в привычный для уголовного судопроизводства формат материального носителя. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит достаточной регламентации этой процедуры, позволяющей осуществлять такой перенос с необходимыми для доказывания гарантиями надежности и достоверности.

Между тем, примеры законодательной регламентации подобных процедур с требуемыми гарантиями в иных отраслях права российского законодательства уже есть. Например, в соответствии со ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательство, необходимые в случае рассмотрения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. В данном случае осуществляется нотариальное удостоверение интернет-страницы путем составления протокола, что может осуществляться и без извещения одной из сторон или заинтересованных лиц. Технология получения доказательства при этом содержит применение служебной программы «Tracert» [13; 14]. Полученная в результате этого нотариального действия распечатка свидетельствует, в частности, что осмотр указанного сайта произведен с данного сервера, а также, что в этой процедуре не были задействованы посторонние лица. В нотариально заверенном документе указываются: последовательность осмотра сайта; количество распечатанных экземпляров; вид распечатки сайта (цветной или черно-белый). Также в нотариальном документе обязательно фиксируются примененные технические средства и их характеристики: тип процессора; его оперативная память; программы осуществления доступа; провайдер и основание его деятельности. В завершение нотариусом удостоверяется, что протокол осмотра составлен в нескольких экземплярах, один из которых остается в деле у нотариуса, а остальные переданы заказчику.

Что касается уголовного судопроизводства, то проведенный анализ следственной практики показал, что если интересующая следствие интернет-информация находится в открытом доступе, то следственные органы, как правило, проводят осмотр интернет-страницы по правилам производства такого следственного действия как осмотр предметов и документов. Однако далеко не всегда должностные лица, проводящие данное следственное действие, указывают в протоколе необходимые сведения об интернет-документах, позволяющие впоследствии идентифицировать их и обеспечить надежную проверяемость полученной информации. Так, например, отчет трассировки с указанием времени ее производства составляется не всегда. Также не указываются ни последовательность осмотра интернет-страницы, ни сведения о количестве скриншотов, созданных при проведении осмотра, ни их содержание и наименование. Часто не указаны техническое устройство, с помощью которого произведен осмотр, его технические характеристики. К протоколу осмотра не приобщается дубликат страницы, путем ее перезаписи с помощью браузера на электронный носитель, с целью удостоверения информации, содержащейся на скриншотах. Вследствие этого, по нашему мнению, остается весьма спорным вопрос, обеспечивает ли необходимую доказательственную надежность получаемой информации производство такого следственного действия как осмотр предметов и документов в случаях, если предметом осмотра выступают информационные объекты сети Интернет.

Как уже указывалось, в настоящее время УПК РФ не регламентирует изъятие информации из сети Интернет либо с сетевых каналов телекоммуникации, которая находится в открытом доступе. Необходимое для этого процессуальное действие в УПК отсутствует. Предлагаем внесение дополнений в уголовно-процессуальное законодательство РФ путем добавления нового вида такого следственного действия как осмотр с установлением для него исчерпывающей процессуальной регламентации.

На сегодняшний день, как известно, законодательно выделяется целый ряд видов осмотра (ст. ст. 176, 178 УПК РФ), каждый из которых имеет свою собственную специфическую процессуальную регламентацию. Это: 1) осмотр места происшествия; 2) осмотр местности; 3) осмотр жилища; 4) осмотр иного помещения; 5) осмотр предметов и документов; 6) осмотр трупа. Кроме того, многие авторы правомерно указывают, что помимо этих видов осмотра «в сущности освидетельствование – это также разновидность осмотра» [15, с. 75], представляющая собой осмотр тела живого человека [16]. Помимо того, что осмотр является самостоятельным следственным действием, он выступает также неотъемлемой частью таких следственных действий, как: 1) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ); 2) контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ); 3) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

И, тем не менее, очевидно, что ни один из существующих видов осмотра не приспособлен для придания доказательственного значения информации, хранящейся на информационных объектах сети Интернет

(интернет-сайты) либо сетевых каналов коммуникации (электронная почта, мессенджеры и др.).

Вследствие этого, нами предлагается законодательное закрепление новой разновидности осмотра – осмотра информационных объектов сети Интернет и сетевых каналов коммуникации.

Полагаем возможным предложить следующее содержание соответствующей нормы уголовно-процессуального права, закрепленной, например, в ст. 178.1 УПК РФ: «В целях обнаружения следов преступления в информационных объектах сети Интернет и сетевых каналах коммуникации, а также выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, может быть произведен осмотр информационных объектов сети Интернет и сетевых каналов коммуникации».

При этом, по нашему мнению, настоятельной необходимостью является включение данного следственного действия в перечень тех видов осмотра, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), поскольку именно та информация, что будет получена по результатам его проведения, как правило, и будет служить основанием для возбуждения уголовного дела [17].

Содержанием же данного следственного действия будет выступать осмотр интернет-страницы следователем с последующей фиксацией информации, имеющей значение для уголовного дела, на материальном носителе путем производства скриншотов.

Полагаем, что для производства осмотра информационных объектов сети Интернет и сетевых каналов коммуникации, находящихся в свободном доступе, вынесение следователем отдельного постановления в качестве юридического основания не требуется по аналогии с осмотром документов на бумажных носителях.

Если исследование не требует применения специальных знаний, то следователь (дознатель) его производит единолично. При необходимости, к производству следственного действия может быть привлечен специалист соответствующего профиля.

По аналогии с ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ полагаем, что участие понятых при производстве предлагаемого нами вида осмотра возможно по усмотрению следователя, но не является обязательным во всех случаях, поскольку, как того и требует ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, его производство во всяком случае должно сопровождаться применением технических средств фиксации его хода и результатов.

Одним из существенных отличий предлагаемого следственного действия от осмотра предметов и документов должны выступать особенности его протоколирования. В протоколе осмотра информационных объектов сети Интернет и сетевых каналов коммуникации, помимо общих требований к содержанию протокола следственного действия (ст. 166 УПК РФ), обязательно должны отражаться: адрес исследуемой интернет-страницы; последовательность исследования; количество скриншотов, которые были получены при исследовании, а также их содержание.

Для производства данного следственного действия мы полагаем возможным применение служебной программы «Tracert» аналогично нотариальному порядку заверения скриншотов. Каждый скриншот должен содержать определенные реквизиты, позволяющие иден-

тифицировать устройство, на котором они были произведены, время, дату, лицо, которое произвело исследование. Полученные скриншоты будут иметь процессуальный статус приложений к протоколу осмотра информационных объектов сети Интернет и сетевых каналов коммуникации.

Помимо изъятия цифровой информации из телекоммуникационных сетей в настоящее время существует проблема конечной персонализации пользователя в сети Интернет. В уголовно-процессуальном законодательстве РФ не регламентирован вопрос о предоставлении следователю (дознателю) информации о конкретном пользователе, о контактах между пользователями социальной сети, мессенджеров и иных сетевых каналов коммуникации. Как известно, на серверах сетевых каналов коммуникации сохраняются данные об абоненте, о телекоммуникационном терминале, о начале и конце определенного соединения по дате и времени, объемах передаваемых данных и другие сведения о трафике. Очевидно, что вышеуказанные данные могут иметь важное доказательственное значение по уголовному делу. Например, согласно методическим рекомендациям по расследованию преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством глобальной сети «Интернет» [18], следователю необходимо: произвести в организации, предоставляющей услуги доступа к сети Интернет, выемку информации о сетевой активности подозреваемого (обвиняемого), после чего осмотреть полученную информацию с участием специалиста; получить в компаниях-операторах сотовой связи информацию о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, в частности, находящимися в пользовании подозреваемого (обвиняемого), после чего произвести осмотр полученной информации; произвести выемку информации о регистрации и переписке подозреваемого (обвиняемого) на ресурсах «Вконтакте», «Рамблер Интернет Холдинг», «Мэйл.Ру» и других; произвести ее следственный осмотр.

По мнению отдельных авторов [19], а также исходя из смысла п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ), источником информации, получаемой в результате следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, могут выступать только базы данных операторов связи. Таким образом, учеными и практиками признается невозможным получение информации из других источников в рамках следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ. Поскольку статьями 185 и 186.1 УПК РФ не регламентирован порядок получения информации об абонентах телекоммуникационных сетей, то в принципе невозможно и получение данной информации на законных основаниях.

Проведенный анализ следственной практики показал, что органы предварительного расследования в таких случаях предпочитают направлять в организации, предоставляющие услуги в области телекоммуникаций («Вконтакте», «Рамблер Интернет Холдинг», «Мэйл.Ру» и др.), запросы о предоставлении сведений о пользователях, их личных данных, об ip-адресах, с которых

осуществлялся вход, а также предоставлении истории их обращений. По нашему мнению, сложившийся порядок влечет существенное нарушение конституционных прав граждан, гарантированных ст. 23 Конституции РФ [20; 21]. В подобных случаях полагаем обязательным получение согласия суда на предоставление органам предварительного расследования такой информации. В связи с этим, для законного получения и дальнейшего использования информации, находящейся на серверах сетевых каналов коммуникаций, также необходимо внесение соответствующего дополнения в уголовно-процессуальное законодательство.

В связи с рассматриваемой проблематикой небезынтересным представляется обращение к международному опыту. Согласно §113а Закона о телекоммуникациях Федеративной Республики Германия от 22 июня 2004 года, поставщики общедоступных телекоммуникационных услуг обязаны хранить данные о трафике конечных пользователей. В соответствии с § 113b вышеуказанного закона эти поставщики хранят такие сведения как: адрес интернет-протокола, назначенный подписчику для использования в сети Интернет; уникальный идентификатор порта, используемого для доступа к сети Интернет и назначенного идентификатора пользователя; дата и время начала и окончания использования сети Интернет по назначенному адресу Интернет-протокола с указанием основного часового пояса. Согласно § 113с данного закона и §100а Уголовно-процессуального кодекса ФРГ по мотивированному приказу прокуратуры и с согласия суда поставщики общедоступных телекоммуникационных услуг предоставляют информацию о телекоммуникациях абонента, в том числе Интернет-трафик, в органы, осуществляющие уголовное преследование.

Исходя из международного опыта, полагаем, что уголовно-процессуальное законодательство России требует внедрения аналогичного способа получения правоохранительными органами информации подобного содержания, а также данных о трафике абонента. Это предложение может быть реализовано путем добавления в УПК РФ новой статьи 186.2 «Получение информации о сетевой активности пользователя в телекоммуникационных сетях». Она может быть изложена в следующей редакции: «При наличии достаточных оснований полагать, что информация о сетевой активности пользователя в телекоммуникационных сетях может иметь значение для уголовного дела, получение следователем указанной информации допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ». При этом к информации о сетевой активности пользователей в телекоммуникационных сетях должны быть отнесены любые действия лица, совершенные на телекоммуникационных ресурсах.

Получение такой информации, по нашему мнению, должно допускаться при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких. В ходатайстве следователя о производстве данного следственного действия, касающегося получения информации об активности пользователя в телекоммуникационных сетях, должны указываться: 1) уголовное дело, в рамках производства которого необхо-

димо выполнить данное следственное действие; 2) основания, по которым производится данное следственное действие; 3) анкетные данные лица (при его наличии), в отношении которого производится данное следственное действие; 4) период, за который необходимо получить соответствующую информацию, и (или) срок производства данного следственного действия; 5) наименование организации, от которой необходимо получить указанную информацию.

При направлении такого ходатайства в организации, предоставляющие телекоммуникационные услуги, к данным об активности пользователя должны относиться: идентификационный номер активного соединения или идентификационный номер конечного устройства; идентификационные личные данные пользователя при аутентификации, при мобильных соединениях, а также данные о местоположении пользователя; начало и окончание соответствующего соединения по дате и времени, объем передаваемых данных; конечные точки установленных соединений, их начало и окончание по дате и времени и, при необходимости, объем передаваемых данных; другие данные трафика, необходимые для создания и ведения учета в области телекоммуникаций и расчета затрат на предоставления этих услуг.

К необходимым данным об активности пользователя могут также относиться: дата регистрации пользователя, личные данные пользователя, указанные при регистрации и последующие их изменения; идентификационные данные о сессиях пользователя, в требуемый период времени (ip-адреса, mac-адреса устройств); при возможности, отчет о месторасположении пользователя в определенном промежутке времени.

В случае принятия судом положительного решения о возможности получения информации о сетевой активности пользователя в телекоммуникационных сетях, его копия направляется следователем в соответствующую организацию. К таким организациям относят как организации, предоставляющие услуги доступа к сети Интернет, так и организации, предоставляющие доступ к социальным сетям, мессенджерам и т. п. Организация – адресат требования о предоставлении информации – должна предоставить ее путем фиксации на любом материальном носителе. Указанная информация предоставляется в опечатанном виде с сопроводительным письмом, в котором указываются период, за который она предоставлена, и сведения о лицах, чьи сообщения были предоставлены.

Следователь осматривает представленные документы, содержащие информацию об активности пользователя в телекоммуникационных сетях, о чем составляет протокол, в котором должна быть указана та часть информации, которая, по мнению следователя, имеет отношение к уголовному делу. Лица, присутствовавшие при составлении протокола, вправе изложить свои замечания или дополнения.

Представленные носители информации, содержащие сведения об активности пользователя в телекоммуникационных сетях, приобщаются к материалам уголовного дела в полном объеме на основании постановления следователя и хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность.

ВЫВОДЫ

Из сказанного можно сделать вывод, что действующее уголовно-процессуальное законодательство России не содержит надлежащей регламентации порядка изъятия и процессуального оформления информации, полученной из сети Интернет, что вызывает существенные затруднения среди правоприменителей и сложности в доказывании.

Для устранения данного пробела правового регулирования с учетом имеющегося международного опыта предлагается внесение дополнений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ, связанных с выделением самостоятельного вида осмотра – осмотра информационных объектов сети Интернет и сетевых каналов коммуникации.

Также предлагается установить судебный порядок получения информации о сетевой активности пользователя в телекоммуникационных сетях, гарантирующий реализацию положений ст. 23 Конституции РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. М.: ТК Велби, 2004. 224 с.
- Шейфер С.А. Собрание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015. 112 с.
- Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2012. 240 с.
- Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 359 с.
- Белкин А.Р. Теория доказывания. М.: НОРМА, 1999. 429 с.
- Борисевич Г.Я. Документы как доказательства в российском уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1. С. 202–216.
- Локк Р.Г.-В. Истребование письменных документов и носителей информации в ином виде на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 113–126.
- Сазонова Т.П. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 19. С. 48–51.
- Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 465 с.
- Некрасов С.В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Экзамен, 2004. 128 с.
- Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2010. 176 с.
- Уголовный процесс / под ред. В.А. Лазаревой. М.: ЮСТИЦИЯ, 2017. 654 с.
- Лебедев А. Нотариусы на защите прав в интернет: обеспечение доказательств нотариусами // Петербургский Нотариус. 2017. № 2. С. 3–4.

- Шидловская Ю.В. Некоторые проблемные вопросы, связанные с производством осмотра информационного ресурса // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Ч. 55. Томск: Томский ун-т, 2012. С. 137–139.
- Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Самарский университет, 2004. 228 с.
- Росинский С.Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. 240 с.
- Олиндер Н.В. Типичные способы совершения преступлений с использованием электронных платежных средств и систем // Эксперт-криминалист. 2014. № 1. С. 13–15.
- Методические рекомендации по расследованию преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством глобальной сети «Интернет» / под ред. А.М. Багмета. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. 73 с.
- Стелямах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Lex Russica. 2017. № 3. С. 141–153.
- Гонтарь С.Н., Уваров Н.А. Развитие конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства в новейшей истории // Вестник Университета. 2014. № 13. С. 290–292.
- Аберхаев Э.Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 90–94.

REFERENCES

- Petrukhin I.L. *Teoreticheskie osnovy reformy ugovornogo protsesssa v Rossii* [Theoretical foundations of the reform of the criminal process in Russia]. Moscow, TK Velbi Publ., 2004. 224 p.
- Sheyfer S.A. *Sobiranie dokazatelstv po ugovornomu delu: problemy zakonodatelstva, teorii i praktiki* [Collection of evidence on a criminal case: the problems of legislation, theory, and practice]. Moscow, Norma Publ., 2015. 112 p.
- Sheyfer S.A. *Dokazatelstva i dokazyvanie po ugovornym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, NORMA-INFRA-M Publ., 2012. 240 p.
- Lazareva V.A. *Dokazyvanie v ugovornom protsesse* [Proving in criminal proceedings]. 5th izd., pererab. i dop. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 359 p.
- Belkin A.R. *Teoriya dokazyvaniya* [Theory of proof]. Moscow, NORMA Publ., 1999. 429 p.
- Borisovich G.Ya. Documents as proofs in the Russian criminal procedure. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2012, no. 1, pp. 202–216.
- Lokk R.G.-V. Vindication of written documents and other data carriers at the stage of initiation of a criminal case. *Aktualnye problemy borby s prestupnostyu*. Saratov, SYuI MVD Rossii Publ., 2007, pp. 113–126.
- Sazonova T.P. Vindication of items and documents as a manner of collecting evidences. *Vestnik Yuzhno-*

- Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2009, no. 19, pp. 48–51.
9. Lazareva V.A., Tarasova A.A., eds. *Ugolovno-protsessualnoe pravo. Aktualnye problemy teorii i praktiki* [Criminal Procedural Law. Important Issues of Theory and Practice]. 3rd izd., pererab. i dop. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 465 p.
 10. Nekrasov S.V. *Yuridicheskaya sila dokazatelstv v ugovnom sudoproizvodstve* [Juridical force of evidence in criminal procedure]. Moscow, Ekzamen Publ., 2004. 128 p.
 11. Vasyaev A.A. *Priznanie dokazatelstv nedopustimymi v khode sudebnogo sledstviya v sude pervoy instantsii v rossiyskom ugovnom protsessе* [Admission of evidence as incompetent in the course of a judicial investigation at first instance in the Russian criminal procedure]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2010. 176 p.
 12. Lazareva V.A., ed. *Ugolovnyy protsess* [Criminal process]. Moscow, YuSTITsIYa Publ., 2017. 654 p.
 13. Lebedev A. Notary officers at the defense of the rights for Internet: securing of evidence by notary officers. *Peterburgskiy Notarius*, 2017, no. 2, pp. 3–4.
 14. Shidlovskaya Yu.V. Certain issues related to the procedure of examination of an information resource. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sbornik statey*. Tomsk, Tom-kiy un-t Publ., 2012, pp. 137–139.
 15. Sheyfer S.A. *Sledstvennye deystviya. Osnovaniya, protsessualnyy poryadok i dokazatelstvennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, a remedial order and probative value]. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2004. 228 p.
 16. Rossinskiy S.B. *Sledstvennye deystviya* [Investigative actions]. Moscow, Norma Publ., 2018. 240 p.
 17. Olinder N.V. Typical ways of commission of crimes related to the using electronic payment means and systems. *Ekspert-kriminalist*, 2014, no. 1, pp. 13–15.
 18. Bagmet A.M., ed. *Metodicheskie rekomendatsii po rassledovaniyu prestupleniy protiv polovoy neprikosnovennosti nesovershennoletnikh, sovershennykh posredstvom globalnoy seti "Internet"* [Methodological recommendations for investigation of crimes against the sexual inviolability of minors committed through the global Internet network]. Moscow, Akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii Publ., 2016. 73 p.
 19. Stelmakh V.Yu. Obtaining Information about Connections between Subscribers and/or Subscriber Devices. *Lex Russica*, 2017, no. 3, pp. 141–153.
 20. Gontar S.N., Uvarov N.A. The development of the constitutional right of individuals to privacy of the person in the field of criminal justice in modern history. *Vestnik Universiteta*, 2014, no. 13, pp. 290–292.
 21. Aberkhaev E.R. The right on inviolability of privacy: the juridical characteristic and realization problems. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2008, no. 1, pp. 90–94.

CONCERNING THE ISSUE OF PROCEDURAL IMPLEMENTATION OF THE EVIDENTIARY INFORMATION ACQUIRED FROM THE INTERNET SOURCES

© 2018

S.V. Yunoshev, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair “Criminal Law and Procedure”
S.V. Kondratyuk, lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal procedure; evidential significance; investigative activities; survey of the information objects of the Internet network and communication network channels.

Abstract: This paper considers the significant issue of a criminal procedure – the attachment of the evidential significance of the information acquired from the information resources. The authors show that the current national criminal procedure legislation does not regulate special aspects of the introduction of such information to the evidentiary base. The thesis is substantiated that the lack of appropriate procedural regulation adversely affects the legality of proof when investigating and considering criminal cases, the reliability, and credibility of the acquired evidence. Whereby, it is stated that the needs of the law enforcement practice insistently require the filling of the current legislative gap as the other creates the risk of admission of the acquired evidence as incompetent and, as a consequence, the termination of a criminal prosecution or the entry of a judgment of acquittal. The authors draw attention that the similar procedures are known already and work successfully in other areas of Russian law, for example, in respect to the perpetuation of evidence by the notary officers. In this connection, the authors substantiate the suggestions about the introduction of additions to the Russian Federation Code of Criminal Procedure aimed at the introduction of a new type of survey, more specifically, a survey of the information objects of the Internet network and communication network channels. The authors substantiate as well the key distinctions of the proposed investigative activities from a standard survey of items and documents, which are mainly in the content of a protocol of inspection of the information resources, and consider the problem of provision of personal information about a network user by an organization rendering the Internet access services to an investigator (interviewer). Based on the analysis of current investigation practice, the conclusion is made about its contradiction to the constitutional guarantees for personal privacy established by the article 23 of the Russian Federation Constitution. Reasoning from this fact, the authors suggest protecting by law the possibility of requesting such information only on the basis of a judicial decision obtained under the procedure of the article 165 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure.

НАШИ АВТОРЫ

Гамбарова Евгения Александровна, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: Самарский университет, 443086, Россия, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34.

E-mail: egambarova@yandex.ru

Кондратюк Сергей Викторович, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 927 774-09-11

E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Моисеев Александр Владимирович, преподаватель кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-17, 8 927 771-93-60

E-mail: ur63@yandex.ru

Немова Елена Николаевна, преподаватель кафедры «Теория и история государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, 14.

E-mail: nemova0303@yandex.ru

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

E-mail: olindernv@yandex.ru

Остроухова Валентина Александровна, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право» Института права, советник государственной гражданской службы РФ 3 класса.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова 57.

E-mail: ostroukhova85@list.ru

Полякова Юлия Алексеевна, преподаватель кафедры «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 927 897-64-78

E-mail: ua.polyakova@yandex.ru

Прохоренко Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 917 120-38-97

E-mail: Irina.A.Pr@mail.ru

Ринкевичуте Вилия Пранавна, документовед организационного отдела приемной и аттестационной комиссии.

Адрес: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 236016, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14.

Тел.: (900) 570-84-99

E-mail: vilia_1994@mail.ru

Шестов Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики и права.

Адрес: Академия труда и социальных отношений, 299001, Россия, г. Севастополь, ул. Балаклавская, 11.

Тел.: 8 978 812-39-28

E-mail: shestoff.sergej@yandex.ru

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 917 154-99-31

E-mail: svyunoshev@gmail.com

OUR AUTHORS

Gambarova Evgeniya Aleksandrovna, assistant of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics.
Address: Samara University, 443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse Street, 34.
E-mail: egambarova@yandex.ru

Kondratyuk Sergey Viktorovich, lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 927 774-09-11
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Moiseev Aleksandr Vladimirovich, lecturer of Chair “Constitutional and administrative law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-17, 8 927 771-93-60
E-mail: ur63@yandex.ru

Nemova Elena Nikolaevna, lecturer of Chair “Theory and History of State and Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: nemova0303@yandex.ru

Olinder Nina Vladimirovna, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Law and Procedure.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: olindernv@yandex.ru

Ostroukhova Valentina Aleksandrovna, Senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law” of the Institute of Law, Class 3 Advisor of the State Civil Service of the RF.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: ostrouxova85@list.ru

Polyakova Yuliya Alekseevna, lecturer of Chair “Business and Labour Law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 927 897-64-78
E-mail: ua.polyakova@yandex.ru

Prokhorenko Irina Anatolievna, PhD (History), Associate Professor.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 917 120-38-97
E-mail: Irina.A.Pr@mail.ru

Rinkevichute Viliya Pranavna, document specialist of Organizational Department of the Admission and Certification Committee.
Address: Immanuel Kant Baltic Federal University, 236016, Russia, Kaliningrad, A. Nevsky Street, 14.
Tel.: (900) 570-84-99
E-mail: vilia_1994@mail.ru

Shestov Sergey Nikolaevich, PhD (Economic), Associate Professor, Director Institute of Economics and Law.
Address: Academy of Labour and Social Relations, 299001, Russia, Sevastopol, Balaklavskaya Street, 11.
Tel.: 8 978 812-39-28
E-mail: shestoff.sergej@yandex.ru

Yunoshev Stanislav Viktorovich, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 917 154-99-31
E-mail: svyunoshev@gmail.com